

Салма Калък

Отложени
ЭФФЕКТ

Салма Кальк

Отложенный эффект

«Автор»

2023

Кальк С.

Отложенный эффект / С. Кальк — «Автор», 2023

Какая девушка мечтает выйти замуж за некроманта? Правильно, никакая. Даже если этот некромант силён, могущественен, профессор Академии и наследник древнего магического рода. Ну и ладно, потому что зачем эти девушки тому самому наследнику? Пусть утром отправляются восвояси. Как это – ушла и не хочет возвращаться? Как это – не желает слушать? Непорядок, но мы это исправим! Какому мужчине сдался боевой маг в жёны? Правильно, никакому. Потому что боевой маг – это образ жизни, это вам не дома сидеть и цветочки вышивать. И этому, который пришёл и сказал, что соскучился, и что ему нужен ребёнок – тоже скатертью дорога. Что значит – так не оставит? Это мы ещё посмотрим!

Содержание

Пролог	5
1. Ремиссия	7
2. Зелёные глаза	10
3. Конференция	12
4. Обсуждение	15
5. Некроманты идут лесом	17
6. Обещал – помогай	20
7. Банкет	23
8. Покажите вашу нежить	25
9. Практическое подтверждение теоретических положений	27
10. Аргументация	30
11. Идём до конца	33
12. Внезапно завтрак	36
13. Ты и я, и ничего больше	38
14. Инсайдерская информация	42
15. Маме нужна помощь	45
16. Поиск союзников	48
17. Зелёный отель	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Салма Кальк

Отложенный эффект

Пролог

– Так дальше продолжаться не может.

– Отчего же?

– Оттого, драгоценный мой супруг, что нашему сыну уже почти сорок лет, а он так и не женился! Кому, скажи на милость, ты оставишь дом, имущество и славу древнего магического рода?

– Коринна, не шуми. Всё образуется.

– Уж конечно, образуется! Интересно бы мне знать, когда это произойдёт. Когда нас с тобой уже на свете не будет? И каким же образом? Он ведь тоже не молодеет, и даже если сейчас женится на юной девушке, то пока ещё она сможет родить ребёнка!

– Он маг, и состарится не так быстро, как простецы.

– И что, раз маг, то до пятидесяти лет гулять? Он же всю Академию перебрал, мне людям в глаза смотреть стыдно!

– А ты не смотри людям в глаза, если стыдно. И согласишься, что его дела – это его дела. Он никогда не впутывается в скандалы, угрожающие его научной и деловой репутации, и ни разу не создавал нам с тобой никаких серьёзных проблем. А если кто-то влюбился и страдает – ты же понимаешь, что студентки всегда влюбляются в заметных преподавателей, а он у нас – заметный.

– Ещё бы, – поджала губы Коринна. – И ведь у него даже никаких внебрачных детей нет! Я была бы согласна даже на такого, если бы он был нашей крови.

– Он осторожен и ещё не встретил ту женщину, вместе с которой захотел бы состариться.

– Глупости какие! Для всего есть положенное время – и чтобы нагуляться, и чтобы завести семью, и чтобы родить детей. Я не могу найти разумного объяснения тому, что наш сын до сих пор этого не сделал. Наверное, мы плохо его воспитали, раз он не желает заботиться о семье и о роде!

– Хорошо мы его воспитали. Он состоялся как преподаватель и как учёный, мог бы состояться ещё и как военный. Дозреет и до семьи.

– Куда уже дозревать? Сорок лет, ему в будущем году исполнится сорок лет! Отчего бы ему не договориться с каким-нибудь приличным семейством и не попросить дочь в жёны?

– Скорее всего, потому, что эта дочь не сможет похвастаться сходной с ним магической силой.

– А об этом вообще лучше молчать, – снова поджала губы Коринна. – Потому что я понимаю тех девушек, которые не хотят иметь с ним ничего общего!

– Кроме постели, ага, – промурлыкал её супруг.

– И вообще, если бы я только знала, чем всё закончится! Никогда в жизни не согласилась бы выйти за тебя!

– Ты говоришь мне это в среднем раз в год, но так до сих пор никуда и не ушла.

– Я не хочу, чтобы наша семья была замешана в подобном скандале, – Коринна вдруг стала говорить тише.

– Вот и умница. И если ты хочешь, чтобы наш сын когда-нибудь женился – не тирань его. Он и так дома появляется раз в год по обещанию!

– Не хочешь ли ты сказать, что я тому виной?

– Хочу. Но не стану. И вообще, достаточно уже. Спустила пар? Иди на факультет или куда там тебе нужно. И дай мне отдохнуть.

Он поднялся, опираясь на трость, и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

* * *

– Скорпион, спаси меня, пожалуйста. Если кто и может спасти меня сейчас, так это только ты.

– Господи, это ж Кусачка. Сколько лет, сколько зим! Как поживаешь?

– Паршиво поживаю! За мной охотятся.

– Ты что-то натворил?

– Я тебе расскажу, но только с глазу на глаз. Если ты обещаешь дать мне убежище. Помнишь, мы клялись помогать друг другу всегда? Мне не к кому больше пойти, а ты человек сильный, и отец твой тоже человек сильный.

– Отца моего не приплетай, он тебе ничего не обещал. Только я.

– Мне достаточно и тебя, достаточно, поверь!

– И что нужно для тебя сделать?

– Мне нужно скрыться! Так скрыться, чтобы не нашли! Пожалуйста!

– Почему ты думаешь, что у меня не найдут?

– Да не думаю я ничего, мне в самом деле некуда больше податься! Я и подумать не мог, что окажется так сурово!

Собеседник Кусачки вздохнул.

– А если тебя найдут в моём доме, чем это грозит нам обоим?

– Да ты просто отболтаешься! Ты ж умеешь, никто не умеет так, как ты!

Невидимый Скорпион вздохнул ещё раз.

– Ты сможешь пройти ко мне прямо сейчас?

– Да! Да, благодарю тебя. У них есть ловушка, артефакт, закрывающий некроманту теневые пути, представляешь? У меня осталось совсем немного времени. Я могу дойти только до другого некроманта, и всё, больше не могу никуда!

– Нет, я такого не представляю. Но ты расскажешь, я полагаю. Давай быстрее, я жду.

– Иду. Благодарю тебя, Скорпион, я знал, что ты настоящий друг!

Преследователи Кусачки, вломившиеся в его комнату на окраине столицы, не нашли ничего и никого.

– Проклятые некроманты, ускользают меж пальцев! Как, как ему это удалось? Мы ведь перекрыли все лазейки и норы!

– Ничего, мы их ещё накроем. Не волнуйтесь, господин. Он не сможет прятаться вечно, он обязательно проявит себя и свою некромантскую сущность. И тут-то мы на него и выйдем! Он не удержится от применения магии, и маячок сработает. Нужно только немного подождать.

– Хорошо, подождём. Но если у нас не выйдет ничего – пеняй на себя! Спрошу за всё – и за прошлые грехи, и за будущие, и за те, что даже пока и не думал совершать!

1. Ремиссия

– Что ж, Марион, я не вижу новых признаков заболевания. Мне кажется, мы вывели тебя в ремиссию. Конечно, это должен подтвердить профессор Делез, но моё предварительное заключение – ты здорова.

Клодетт Реми, молодая, чтоб не сказать юная целительница госпиталя принцессы Жакетты, завершила осмотр и улыбнулась. У Марион Блуа не было повода не доверять заключению Клодетт – потому что если не Клодетт, то кто? Когда один целитель за другим отказывались иметь дело с её случаем, и даже всеильный профессор Делез главным образом хмурился, выход нашла именно она, Клодетт Реми, аспирантка профессора Делеза. Тогда, три года назад, ещё никто не знал, что это выход, над Клодетт смеялись и говорили, что у неё ничего не выйдет. Но Марион сказала, что не желает лечиться ни у кого другого, только у Клодетт. Потому что только она не кудахчет, а предлагает конкретные меры. И Марион готова пробовать, потому что никто другой вообще ничего не предлагает, а все только лишь строят прогнозы – сколько ей осталось.

Капитан Магического Легиона Марион Блуа ничего не хотела знать о том, сколько ей осталось. Всё, что ещё есть – её, и точка. Она бы и на службу вернулась, но увы, никто не собирался её допускать. Командир генерал де Риньи спокойно вынес её вспышку гнева, а если называть вещи своими именами – истерику, потом так же спокойно похлопал её по плечу и сказал:

– Марион, ступай и лечись. Тебя никто не заставляет уходить в отставку, потому что ты получила свои серьёзные повреждения во время службы. К твоим услугам – все врачи и все целители, какие только существуют. Мы дождёмся тебя.

Это обнадеживало, но не до конца. Потому что все эти врачи и целители хмурились, качали головами и говорили: ну что вы, милочка, какая может быть в вашем случае действительная служба! Побереглись бы, что ли.

Марион не хотела беречься, Марион хотела в огонь. Потому что если ей недолго осталось, то нужно применить это время с пользой. И лучше найти свой конец во время какой-нибудь операции, чтобы он послужил на пользу силам добра и справедливости, чем медленно сходить с ума в палате госпиталя, пусть самой лучшей и комфортной на свете.

Увы, в огонь её никто не отпускал, и всё, что ей разрешали, – это заниматься с новичками. Она к своим тридцати трём годам была опытным офицером и квалифицированным боевым магом, она могла научить многому. А потом, когда стало совсем плохо и ноги уже не слушались, её навестил в госпитале декан родного боевого факультета, профессор Жюльен Дюмон, и предложил подумать о научной работе. И заодно о преподавательской – тоже. Но пока она ходит с трудом – то в первую очередь о научной.

Марион посмеялась – где она и где наука. Но профессор умел смеяться в ответ и сказал, что тоже довольно долго не мог воспринять такую мысль серьёзно. А теперь, как можно видеть, справляется. И Марион справится, нечего тут. Начать можно со случаев, подобных тому, что произошёл с ней. Что можно сделать, чтобы предотвратить? Как распознать? Как защищаться?

Она не могла не согласиться, что это важно и нужно. И, превозмогая слабость, взялась изучать материал по теме.

Первая статья совпала по времени с первой серьёзной операцией – ей заменяли родные рассыпавшиеся коленные суставы на протезы из специально выращенного целителями материала. Невероятно сложная операция, после неё – долгий период восстановления. Правда, потом оказалось, что нужно заменять ещё и другие суставы, потому что суставные сумки начали разрушаться примерно везде и костная ткань истончалась. И тут-то за неё взялась Клодетт Реми.

Марион не слишком вдавалась в детали – при помощи какой дозировки препаратов и целительской силы Клодетт смогла затормозить разрушение её костей. Но смогла ведь, и последние полгода уже походили на нормальную жизнь – Марион осторожно возвращалась на службу, пока только на задания, для которых не нужен абсолютный допуск по здоровью. Но – возвращалась же!

И была наполовину подготовлена диссертация. Теперь уже отступать некуда, нужно завершить работу, но когда Клодетт сказала, что Марион в ремиссии, сердце заколотилось так, что... неужели всё ещё возможно? И она вернётся?

– Марион, ты надолго в столице?

– Я не тороплюсь. Если у меня есть шанс, что с меня снимут ограничения по здоровью, то я подожду, сколько требуется. Но вообще я приехала ещё и на конференцию в Академии через три дня. Мне там выступать.

– Сегодня профессора нет, у него лекции для студентов. А завтра он будет, и тебе нужно подойти на консультацию. Я предлагаю ещё месяц наблюдения, и если ничего не ухудшится – то мы снимем все ограничения, и возвращайся в свой Легион, – смеялась Клодетт.

Она знала, что у Марион в жизни мало что есть, кроме службы. И не воротила нос от слов «боевая магия» и «Магический Легион», как некоторые другие. И она спасла Марион, это называется именно так.

– Клодетт, я никогда не забуду, что ты для меня сделала.

– Что смогла, то и сделала, – пожала плечами Клодетт. – Тебя ещё ждёт госпожа Арман, зайди к ней тоже, пожалуйста.

– Зачем? Мы ведь сошлись на том, что моя репродуктивная функция не подлежит восстановлению? – Марион хорошо относилась к гинекологу Жаклин Арман, но не была уверена, что хочет сейчас слушать о том, что она не бережёт себя.

Не хочет – и не бережёт. Её дело.

– Но она всё равно хочет убедиться, что у тебя там неросло ничего недозволенного.

Ох, это точно, нужно проверять. Мало ли. При таком количестве разноплановых воздействий – никогда не знаешь, какая часть организма пойдёт вразнос.

Но Жаклин Арман не обнаружила ничего лишнего.

– Я рада, Марион, что у тебя хорошие прогнозы. Теперь нужно не ухудшить то, что есть, согласна? Скажи, у тебя вообще мужчины-то случаются?

– Жаклин, – Марион вздохнула и сурово посмотрела на целительницу.

Целительница была её ровесницей, только замужем и с двумя детьми.

– Что? Мне нужно понимать, что у тебя функционирует, а что – нет. Вообще-то, твои яичники в порядке, и фолликулы в них есть. Поэтому – глядишь, и эта функция организма тоже заработает.

После травмы организм Марион оказался настолько истощённым, что у неё даже месячные пропали. И вернулись только с полгода назад, хаотически и еле-еле.

– Я не уверена, что хочу, чтобы заработала. Я не доверяю моему организму, понимаешь? – сказала она.

– Доверяй не доверяй, а природа возьмёт своё, – пожала плечами Жаклин. – Впрочем, как знаешь. Моё дело сказать, что тебе всё ещё нужно хорошо отдыхать и хорошо питаться. Когда тебе на следующий контроль?

– Через месяц.

– Вот и ко мне зайдёшь заодно, посмотрим, что там будет. А пока – я рада, что Клодетт всё удалось. Такая, как сейчас, ты мне нравишься больше, чем пять лет назад.

Ещё бы, Марион сама себе больше нравилась такой, как сейчас, чем пять лет назад. Тогда ей далеко не все врачи давали эти пять лет. А сейчас она ещё ничего, жива и почти здорова. Глядишь – и в самом деле снимут ограничения.

Но это потом, а сейчас впереди несколько дней в Паризии и конференция по знакомым вопросам. Марион вышла на улицу и бодро зашагала к метро – добраться до сестры, у которой останавливалась всегда, когда приезжала в столицу.

2. Зелёные глаза

Жан-Александр де Саваж не умел никуда приходиться с запасом времени, он всегда являлся за минуту до начала чего бы то ни было. В разные времена жизни эта его особенность вызывала непонимание у разных людей, но он ничего не мог с собой поделать. Или не хотел. Чего ради приходиться заранее и слоняться от стенки к стенке или ждать? Да здравствует последний момент.

Проснуться дома – в лучшем доме на свете, его квартира даже лучше фамильного особняка на улице Сент-Антуан. Тому особняку лет шестьсот, то есть – его наружным стенам, которые трепетно сохраняются от древнего графа Жана-Луи. А его квартира – это верхний этаж дома на улице Лиловых Гиацинтов, и он даже согласен приплачивать садовнику, чтоб тот в нужное время высаживал на его окнах и балконах эти самые гиацинты – тут так принято. Его квартира удобна, потому что сделана под него и его нужды, и не несёт на себе груз поколений со всей их славой и всеми их глупостями. В ней есть место для всего – для чтения в тишине, для чашечки арро с утра, для беседы с глазу на глаз, для вечеринки с узким кругом друзей и для любовного свидания тоже. Хотя, конечно, Жан не любил приводить в эту квартиру женщин, потому что это его территория, и ему не хотелось делить её с кем бы то ни было. А женщины тут же претендуют на то, чтобы заселиться, пустить корни, оставить какие-то свои необходимые мелочи и желать возвращения. Поэтому в квартиру на шестом этаже попадали только редкие экземпляры. Скажем, вчерашнее свидание отлично произошло вовсе не на его территории, он оставил свою даму спать у неё дома, сам вернулся к себе и тоже отлично выспался. Утром, почти не просыпаясь, привёл себя в подобающий вид, выпил чашку арро – из машины, но возиться с приготовлением было уже некогда, и отправился в конференц-зал Магической Академии Паризии, где уже десять лет имел честь преподавать студентам основы некромантии.

Да, граф Жан-Александр де Саваж, профессор, единственный ребёнок своих родителей и наследник великого магического рода, уродился некромантом. Такая коллизия нет-нет, да случалась у Саважей в последние сто пятьдесят лет – после того, как наполеоновский маршал Дени де Саваж взял в жёны некромантку. Наследственность спала где-то в генах и проявлялась даже не в каждом поколении, и сам Жан был сыном боевого мага и воздушницы. Однако некромантом был брат деда, и кто бы знал, кем бы родились его собственные дети, если бы они у него были? Но детей не было, зато другими достижениями можно даже не хвастаться – сами за себя говорят.

К тридцати девяти годам за плечами уже имелись пять лет службы в Магическом Легионе – если у тебя отец-генерал, то службы не избежать, ну и попробовать тоже нужно было. Но после завершения контракта Жан понял, что дальше – только наука. Он попробовал службу, он это может, дальше нужно понимать, что он может ещё. Отец поморщился, но матушка, как раз тогда ставшая деканом воздушного факультета Академии, бурно возрадовалась. И ещё больше возрадовалась, когда Жан сначала подготовил и защитил диссертацию по некромантии, потом ещё одну – по древней истории, а год назад возглавил кафедру у некромантов. Отец смирился, сказал, готовить молодых людей к последующей службе тоже кому-то нужно.

Большой человек никуда не торопится. Он просто прибывает вовремя – и всё. И не так уж важно, что он делал с утра – уже решил парочку наиважнейших дел или спал после бурно проведённой ночи. Вот и сейчас Жан появился за пять минут до начала пленарного заседания конференции, посвящённой вопросам магических действий с отложенным эффектом. Вообще интересное явление, конечно, и он выступает сразу за именитыми мужьями Академии – ректором профессором Шуази и деканом стихийников-огневигов профессором де ла Моттом.

Саваж поздоровался со всеми знакомцами и уже собрался сесть на отведённое для него место в первом ряду, но увидел незнакомый объект. Это ещё кто?

Женщина цепляла взгляд – миниатюрная, какая-то тощенькая, но сколько силы в этом тщедушном теле! Осанка, спина, разворот плеч – как у королевы. Короткая стрижка – боже, какая красивая у неё голова, эти чёрные волосы прямо вопиют о том, чтобы коснуться их ладонью, ощутить, погладить. Тёмно-зелёный брючный костюм напоминал военную форму. Она о чём-то говорила с Дюмоном, деканом боевиков. А когда объявили, что заседание начинается, кивнула Дюмону и оглядела зал. Равнодушно скользнула взглядом по Саважу – господи, какие зелёные у неё глаза! – и села куда-то, и потерялась там.

А Саважу ничего не оставалось, только пойти и сесть на своё место в первом ряду, откуда отлично видно всех выступающих, но совершенно невозможно разглядеть тех, кто сидит сзади.

Но господи, кто же это такая?

3. Конференция

На конференцию Марион шла, как на долгожданный праздник. Как-то так вышло, что в последние полгода очных выступлений ей не выпадало, только заочное участие и публикации. Тоже неплохо, но не заменит живого общения с коллегами на интересную тему. А раньше она чувствовала себя настолько слабой, что её пределом было – прийти на нужное заседание, выступить, ответить на вопросы и уйти. И чтоб хватило сил продержаться до конца выступления. И то это уже после очевидного наметившегося улучшения.

В последние же полгода она сначала гуляла – понемногу, потом дольше, потом уже не только по дорожкам парка вокруг госпиталя и Академии, но даже съездила на экскурсию в Альпийские горы. Просто на экскурсию, просто как человек, а не как боевой маг на задании. Оказалось – красиво и интересно. И попробовала подниматься в гору и спускаться с горы. Легко не было, но и запредельно трудно – тоже.

А после уже можно было и попроситься в тренировочный зал Академии. Там выделялись часы для сотрудников и приравненных к ним – строго говоря, курс по практическим занятиям у студентов Марион собиралась взять только осенью, через два месяца. Но её пустили, и как же хорошо было ощущать возвращающуюся силу!

И даже кое-какую работу для Легиона она умудрилась выполнить в эти последние полгода. И ощутить себя человеком и магом на своём месте.

Правда, мама и сестра Люсиль бурчали – чем не повод выйти в отставку и найти себе приличную работу, чай, не девочка, повоевала, будет. Ой, сколько она о себе выслушала после травмы – что поделом ей, что нормальные женщины не служат в Легионе, и не попадают в такие ситуации, что работала бы в каком другом месте – осталась бы здорова. А теперь что? Слушать всё это было невероятно тяжело, но свои же? Марион терпела, сколько могла, потом терпение у неё закончилось, и она жёстко, как во время операции, велела обеим отправляться по своим делам, а к ней больше не приходите, пока не придумают другие темы для разговора. А разговоры о причине её травмы и её образе жизни отныне под запретом, если они обе вообще хотят поддерживать с Марион какие-то отношения. Обе обиделись – мы, мол, от чистого сердца, и вообще кто ещё тебе правду-то скажет – ушли и три дня не появлялись в госпитале. Потом вернулись как ни в чём не бывало, правда, говорить ерунду стали значительно реже.

Отец Марион и Люсиль ушёл, когда Люсиль было пять лет, а Марион три. И погиб через год. Мама вырастила их одна, но у неё был оставшийся от её собственных родителей гостиничный бизнес – пять отелей на берегу Срединного моря, на комфортном и популярном для отдыха побережье. Люсиль собиралась когда-нибудь сменить маму в роли главного собственника, а пока зарабатывала опыт в качестве управляющего в крупном отеле столицы. И растила двух дочерей, с отцом которых даже и в браке не была. Он был каким-то залётным художником из Другого Света, Марион даже и не видела его ни разу. Но одно время регулярно приезжал в Паризию и останавливался в отеле, где работала Люсиль. А потом перестал, но Люсиль и сама отлично справлялась. Её девочкам исполнилось – Лили пять, а Аннет восемь, и они ни в чём не нуждались.

Марион же искренне считала, что её судьба – это служба, за семейным бизнесом есть кому приглядеть, а дети – ну какие дети у капитана Легиона, скажите?

Подруги-сослуживицы решали этот вопрос по-разному. Кто-то так и оставался один всю жизнь, кто-то выходил замуж, а потом и в отставку, кто-то рожал детей и возвращался. А тут бы просто вернуться, думала Марион.

И вот – понемногу она возвращается.

Послушалась Люсиль, сходила в рекомендованный салон красоты – сделала новую стрижку, привела в порядок тело. После хирургических операций на том теле осталось при-

лично шрамов, их, конечно, можно убрать, но это совсем не первоочередная задача. Да и кому оно вообще интересно, то тело?

Конечно, мужчины тоже понемногу возвращались в жизнь Марион. Это раньше, до травмы, она ни в ком себе не отказывала, а сейчас, прямо скажем, сама авансов не раздавала и разве что пару раз ответила на совсем недвусмысленно высказанные предложения. Безусловно, свидание с сильным магом – помощь восстановлению, поэтому она и не отказывала, если предлагающий откликнулся в её теле хоть как-то. Жаклин Арман усмехалась и говорила – примани молодого, сильного и буйного, и ему плюс – хоть чему-то научится в плане женщин, и тебе тоже – быстрее восстановишься. Наверное, Марион была для такого варианта недостаточно циничной. Да и вообще, зачем ей это – обожание, преданные взгляды, что там ещё? Раньше – да, ценила, легко велась и всё такое. А теперь мужчины ей интересны в виде эпизодическом и максимально необременительном. Других дел хватает, не до них сейчас.

Но сделать себя красивой – насколько это вообще сейчас для неё возможно, потому что тощая, угловатая, кости торчат, никаких вам тренированных мышц и плавных линий – внешне оказалось приятно. Три новых костюма на три дня конференции – зелёного, зелёного и ещё раз зелёного цвета, разных оттенков. И платье на финальный банкет. Всю одежду пришлось спешно подгонять по ней, потому что висела мешком, а сшить готовое по её нынешним меркам уже некогда. И лифчик подобрать с подушечками – чтобы ну хоть что-то в том лифчике было и создавало фигуру. И даже туфли с небольшим каблуком купила, достаточно изящные. И в день банкета ещё нужно будет пригласить стилиста – чтоб глаза накрасили, потому сама толком не умеет. Просто так, просто ощутить себя живой.

И что же, стоило ей войти в зал заседаний и начать здороваться со знакомыми – её приветили, подходили, спрашивали, как у неё дела. Говорили, что с удовольствием послушают её выступление, должно быть интересно. А потом началось заседание, она села на какое-то свободное место и стала слушать, что говорят другие.

Марион не успела добыть себе программу конференции, поэтому не знала, кто выступает перед обедом и в какой последовательности. Но сначала выходили и говорили в общем о проблеме люди понятные – ректор и декан огневики. Когда объявляли третьего выступающего, она прослушала, потому что отвлеклась на вопрос соседа – преподавателя с кафедры истории боевой магии. И вернулась к выступлению, только услышав дружный смех вокруг – что там такое рассказывают, в самом-то деле?

Рассказывали о том, как наложить то самое отсроченное заклятие при помощи силы некроманта – в истории и в реальности. Докладчик – мощный некромант – отлично владел темой и не подглядывал никуда – ни в рукописный текст, ни в план, ни в какую магическую подсказку. И ему очень нравилось рассказывать большому скоплению людей о том, что он хорошо знает и что ему интересно. Эх, повезло каким-то студентам, если он что-то преподаёт!

Да и сам по себе он выглядел очень прилично – элегантный и подтянутый, и даже длинные ухоженные забранные в хвост светлые волосы не портили его облика, а добавляли блеска и лоска. И кого-то напоминает, вот прямо очень, но Марион никак не могла понять – кого же.

Вопросов к докладчику не было, но хлопали ему долго, а он ещё и кивал всяким знакомцам – артист, в общем. Что ж, и такие бывают. Говорят, по статистике один некромант из пяти наделён свыше артистичностью и харизмой. Для преподавателя тоже не последнее дело.

Выступление Марион шло первым номером после обеда. Она пришла чуть заранее, разложила по кафедре листы с текстом – не то чтобы собиралась читать, нет, она слишком хорошо всё это знает и ей это слишком близко, но... вдруг что-нибудь забудет? И сможет подсмотреть.

Но подсматривать не пришлось. Она изложила характерные особенности трёх рассматриваемых случаев – своего и двух других, сделала обобщение по всем трём и высказала некоторые выводы, как можно обезопасить действующих сотрудников любых силовых подразделений от возможных последствий.

И уже было завершила и подумала, что всё, собираю бумаги и ухожу, но внезапно раздался вопрос, заданный обманчиво мягким голосом:

– Госпожа, а почему вы решили, что все названные вами случаи относятся именно к заклетьям с отложенным эффектом?

Марион глянула и увидела усмешку желтоватых глаз в первом ряду. Тот самый красавчик-некромант. Интересно, чем он слушал, ухом или брюхом?

4. Обсуждение

И что за ерунду она вообще говорит? Кто пустил эту особу выступать? И для чего? Она кому-то нужна, что ли? Чья-то протееже? Или не только протееже?

Все те симптомы, что она описывает – это же просто пропущенный удар нежити. Какой ещё отложенный эффект, нет там такого!

Саваж едва дослушал девицу, или кто она там, до конца, только что не подпрыгивая в своём кресле. Очень хотелось перебить и влезть прямо в доклад, ну да уж ладно, приличные люди так не делают, он не её разгромит, а себя на посмешище выставит. А на посмешище нельзя.

И когда она, наконец, завершила выступление, он глубоко вздохнул и спросил:

– Госпожа, а почему вы решили, что все названные вами случаи относятся именно к заклетьям с отложенным эффектом?

Она сурово глянула на него своими зелёными глазницами – и сердце пропустило удар. Почему эта глупая женщина такая красивая?

– У вас есть веские причины сомневаться? Будьте любезны, назовите их.

– Описанные вами явления говорят совершенно о другой причине их возникновения. Весь комплекс признаков, конечно же, – Саваж старался говорить мягко и вежливо.

– Вы имеете в виду нападение заведомо агрессивной антропоморфной нежити возрастом старше пятисот лет?

Тьфу ты, даже про пятьсот лет знает, и про заведомо агрессивную, и про антропоморфную. И почему тогда несёт чушь?

– Да, дорогая госпожа... – эм-м-м, как её зовут-то?

Саваж не удосужился поинтересоваться тем, кто будет выступать после его сиятельной персоны, и теперь даже почувствовал себя неловко, потому что не знал, как обратиться к даме. Красивой даме, между прочим.

– Я проводила сравнение, – сообщила красивая дама как ни в чём не бывало. – Есть существенная разница в воздействии на кожные покровы и внутренние органы пострадавшего человека, и ещё на его магическую силу.

Существенные, чтоб её, различия. Да где она их нашла?

– Очень жаль, что вы не включили этот материал в ваше выступление, было бы весьма любопытно посмотреть.

– Коллега, – неподалёку поднялся Жюльен Дюмон. – Уверю вас, госпожа Блуа располагает достаточной доказательной базой. Возможно, вам стоит обсудить заинтересовавший вас момент в кулуарах или на вечернем банкете.

В самом деле, ещё же банкет впереди! Может быть, в близком общении эта госпожа Блуа не такая кусачая? Потому что...

– Благодарю вас, – Саваж поклонился ей и сел.

Она холодно кивнула, собрала свои бумаги и прошествовала, цокая каблучками, куда-то в задние ряды. Он завертел головой и заметил, куда она забралась.

– Чем это вам не угодила госпожа Блуа, коллега? – тихо спросил сидевший рядом де ла Мотт-старший.

Старшим де ла Мотта начали называть недавно – с тех пор, как его сынок поступил в аспирантуру.

– Не люблю некомпетентность, – отрезал Саваж. – Даже в исполнении красивой дамы.

– Зря вы так, – покачал тот головой.

Саваж остался при своём мнении, но попросил у де ла Мотта отпечатанную программу конференции – посмотреть. Ага, вот она. Марион Блуа, надо же. И представляет сразу же две

организации – боевой факультет Академии и Магический Легион. Служит, что ли? Недавно, наверное, потому что в его бытность её там точно не было. Нужно спросить у отца, тот точно знает, что за фрукт госпожа Марион Блуа.

Имя-то какое красивое. Марио-о-он. Так и хочется протянуть негромко, коснуться пальцем щеки, соскользнуть на шею и ниже, под блузку. Тьфу, раз мечтался. Хватит, не время.

Дальше выступал старый дед Арно Трэ, заведующий кафедрой общей теории магии. Он занудно и очень громко вещал о том, что вообще есть заклятье, и как образуются заклятья с тем самым отложенным эффектом, истинные и мнимые, сотворённые сознательно и невольные, и какие-то там ещё. Слушать его было совершенно невозможно, и Саваж осторожно глянул – как там эта выскочка. Сидит, в бумажку смотрит. А вот сейчас мы её пошевелим немного.

Он огляделся – все расслабились и занялись чем-то, кто-то дремлет, кто-то пишет записку, кто-то тихо беседует с соседом. Интересно, хватит ли у ведущего заседание профессора Рьена мощи напомнить бывшему ректору об истекающем времени его выступления?

Саваж сказал де ла Мотту: «Не теряйте, я вернусь», и тенью скользнул в предпоследний ряд. Он приметил, что возле госпожи Блуа с краю было свободное место, и проявился именно на нём.

– Госпожа Блуа, – наклонил вежливо голову. – Мне показалось, нам не дали договорить.

– Отчего же вам так показалось? Не знаю, как вы, а я сказала всё что хотела, – и смотрит так, будто сейчас в него прилетит хорошая огненная плюха.

Отлично, он любит темпераментных женщин.

– Я бы послушал вашу аргументацию.

– Не имею никакого желания вам её здесь приводить. Будет сборник материалов конференции – прочитаете. Всего хорошего, – и даже отвернулась.

– Нет, постойте. Вы не можете подтвердить свои слова? Значит, моё мнение о вас было совершенно верным, и вы попросту некомпетентны.

– Это вы некомпетентны. Не всё на поверку оказывается таковым, каким кажется на первый взгляд, – и поджала губы, бледноваты они у неё, но если их как следует целовать, то порозовеют, непременно станут ярче.

И эта яркость будет ей к лицу, что-то она и сама тоже бледновата.

– А вы, конечно же, пришли рассказать нам всем, что годами устоявшиеся теории в корне неверны.

– Я вообще не трогаю вас, и ваши теории не трогаю тоже, – сообщила она. – Буду вам весьма признательна, если и вы соизволите отстать.

Ух ты, языкастая какая! Прелесть же, невероятная прелесть. Саваж подозревал, что ест её глазами на грани приличия, но ничего не мог с собой поделать.

– Скажите, вы проверяли ваши положения на практике?

– А вы полагаете, я их просто придумала сегодня поутру и сразу же сюда с ними пришла? – ох ты, она ещё и злобно щуриться умеет, красота же!

– Я полагаю, вы недостаточно изучили вопрос, – Саваж постарался смягчить высказывание.

– Вы вправе полагать всё, что вашей душе угодно, – ядовито прошипела она.

– Коллеги, вы не могли бы обсудить ваш вопрос позже? Ничего же не слышно, – воззвал к их совести кто-то с переднего ряда.

Ничего, я тебя ещё дожму. Сама признаешься, что ничего не понимаешь в этом вопросе. А другой вопрос мы с тобой тоже непременно обсудим, красавица моя. Ещё три вечера впереди, успеется.

5. Некроманты идут лесом

Марион очень жалела, что невозможно вломить этому наглецу промеж глаз прямо здесь и сейчас. Потому что... кажется, он из породы тех, кто иначе не понимает. Потому что это он совершенно не соотносит, о чём она говорит. Просто потому, что не имеет такого опыта. Не оказывался в ситуации, когда сначала вроде бы всё ничего, а потом целители смотрят, хмыкают и говорят: положение тяжёлое, прогнозы строить дело неблагоприятное, они могут не сбыться.

К слову, как раз не сбылись. Плохие прогнозы. Сбылись хорошие, а ещё мечты. Поэтому...

– Если вы сейчас не закроете свой рот, я магически заставлю вас замолчать.

– Не выйдет, уважаемая госпожа Марион. Я некромант.

– И некроманта можно пронять, если знать чем.

Марион знала.

И однажды даже пробовала. Не заткнётся – попробует ещё раз. Но не бежать же из зала заседаний только потому, что к ней пристал как репей этот идиот? И она даже не представляет, как его зовут. Впрочем, какая разница?

– А вы, конечно же, знаете, – он ещё и улыбается сладенько так, тьфу.

Никогда бы не подумала, что некроманты бывают такими вот сахарными красавчиками. Только глаза звериные, жёлтые, и горят, как у дворового кошака. Вот ведь угораздило его прищипаться и испортить ей такое приличное выступление!

– Знаю. Хотите испробовать на себе – продолжайте.

На них ещё раз шикнули из переднего ряда – кому-то там они мешали слушать. И правда, нужно держать себя в руках. Всем, но ей-то первым делом. Она отлично справилась с выступлением, привлекла внимание – ой, привлекла, – и теперь нужно, чтобы сил хватило на вечерний банкет и всяческие беседы.

Марион демонстративно отвернулась от наглого некроманта и прислушалась к тому, что говорит актуальный выступающий. Вдруг ей это будет полезно?

– Вот смотрите, что рассказывает Дю Лак. Он сам встречался с отложенным эффектом заклятий, и не раз, и описывает их так, что ни с чем не перепутаешь, понимаете, госпожа Марион?

– А вы, конечно же, стояли с ним рядом и знаете точно, что именно он описывает, – не удержалась она.

– Нет, не стоял, но его аргументация мне понятна.

– Так может быть, вам просто нужно расширить кругозор, чтобы лучше понимать то, что говорят другие люди?

– Спасибо, я не жалею.

– Ещё бы. Ведь и студентов учите, наверное, какой-нибудь ерунде, которую держите за истину!

– Так, прекрасная госпожа. Вы, может быть, привыкли, что вам прощают ваши выходки – за красоту или за что там ещё, предположить не могу. Но зря вы пытаетесь так же войти и в академическое сообщество! Здесь словами не бросаются!

Ох, можно подумать, в Легионе бросаются; впрочем, откуда этому красотуну что-то знать про Легион? Он же, наверное, кроме слова такого, и не слышал ничего!

И – что? Она не ослышалась? Он назвал её красавицей? Это теперь такая новая форма оскорбления?

– Сами начали, – она холодно улыбнулась. – И никак не можете остановиться.

– Потому что терпеть такое просто невозможно!

– Какое? Скажете, ни разу не слышали и не читали выступлений глупцов и малообразованных наглецов?

Вообще, даже и ей перепало, а она в академическую среду только лишь одним глазком заглянула.

– Представьте, случалось. И слышал, и читал.

– Вот и мне тоже – случалось, а я пока даже не преподаватель. И что, за каждым бегаєте и рассказываете, как он неправ?

Ей показалась настолько забавной картинка, как этот вот франт хвостатый бежит во всю свою некромантскую прыть за каким-нибудь толстячком по лужам под дождём, а тот улепётывает со всех ног и подвывает от страха – целый некромант же за ним гонится! В общем, Марион рассмеялась.

Он как увидел эту её усмешку... так чуть на пол не свалился, кажется. Впился взглядом в её лицо – что только там увидел? Даже руки приподнялись, но одумался, снова положил их на колени.

И кто знает, до чего бы они там ещё договорились, если бы ведущий не объявил окончание заседания.

Чтоб ему провалиться, этому некроманту! Ничего же не смогла послушать из-за него, а наверное, было полезное и важное. Теперь пока там ещё сборник выйдет, а вдруг ей нужно будет знать работы кого-то из выступавших и сослаться на них?

Кажется, он хотел цепляться к ней и дальше, но его отозвали. Марион быстро выбралась из зала, чтобы идти дальше, но к ней подошёл декан Жюльен Дюмон и спросил:

– Как вы, Марион? Всё в порядке?

– В целом да, если бы не этот странный субъект, который ко мне прицепился, было бы вовсе замечательно.

– Никто не понял, чего он на вас взъелся. Не переживайте, успокойтесь.

– Кто он и откуда на мою голову?

– Вы не знакомы? – изумился Дюмон. – Это же профессор Саваж, заведующий кафедрой общей некромантии.

Что? Родственник генерала? Вот почему его облик показался знакомым!

– Простите, а кто он генералу Саважу?

– Единственный сын, – усмехнулся Дюмон. – Вы не знали? Сын герцога Саважа – некромант. У них такое иногда случается.

И подумать не могла, не то что знать. И отчего же сын генерала Саважа так дурно воспитан? Ничем иным объяснить произошедшее Марион не могла.

– Да и пусть его. Пойдёмте, что ли, а то сейчас как выскочит да как прицепится снова! И что ему не так?

– Ай, некромантам всё время что-то не так. Они думают, что знают всё лучше всех. Не переживайте, Марион, всё в порядке с вашим докладом.

Вместе с профессором Дюмоном Марион пришла в банкетный зал. Там как раз собирались разные гости – преимущественно те, кто слушал сегодня доклады. На удивление, и здесь нашлись такие, кто запомнил её выступление и заинтересовался – но уже не так агрессивно, а по делу. Уточняли детали, спрашивали о перспективах и о том, скоро ли защита; никто больше не набрасывался и в некомпетентности не обвинял.

К счастью, профессор Саваж появился за минуту до официального начала и сидел далеко от неё. К счастью также, у Марион достаточно скоро появился шанс уйти, не вызывая вопросов и лишнего внимания, и она этим шансом воспользовалась, потому что, если честно, очень устала. День вышел непростым, но она справилась. Вот кто бы знал, что умение держать позицию и не отступать пригодится и здесь? А ведь пригодилось.

И поэтому она сейчас приедет к Люсиль и ляжет спать, а всякие дурные некроманты пусть идут... лесом и никуда не сворачивают.

6. Обещал – помогай

Саваж специально высвободил себе три дня, чтобы быть на конференции, но удалось туда попасть только в самый первый день. О нет, первый день был просто замечательный, грех жаловаться – отличное выступление и приятное знакомство, и он очень желал продолжить это знакомство, но, как известно, человек предполагает, а господь располагает. И причиной послужил давний приятель, товарищ по службе в Легионе, которого все называли Кусачкой – потому что цеплял всех языком только в путь. И нарывался, ясное дело, вот и тут тоже нарвался, да хорошо нарвался.

Звали его на самом деле Ришар Маро, и он, как многие некроманты, которым не довелось родиться в великих или просто приличных семьях, не знал толком, от кого получил силу. Его отец погиб ещё до его рождения, и с матерью там, как понял Саваж из немногословных реплик приятеля, была всего пара-тройка встреч. И на тебе – сынок-некромант. Мать магом не была, и магически одарённой родни у неё не было, она много и тяжело работала. Ребёнок рос в сообществе себе подобных из отдалённого квартала в Эксе и даже амулета поначалу не имел. Ему уже сравнялось года три, когда местный священник заметил странности в поведении ребёнка, понял, что дело нечисто, нашёл мага, и тот уже растолковал, в чём дело – некромант у вас тут, отче, маленький, но от того не менее настоящий. Мать пришла в ужас, но потом махнула рукой и сказала, что это ей наказание господне за то, что встречалась с приезжим, которого убили в криминальных делах, и она только после его смерти узнала, что носит ребёнка. Ничего, ребёнок вырос и даже выучился, какой-никакой колледж осилил, и когда пришли и позвали в Легион – согласился не раздумывая. Потому что все знают – в Легионе сытно кормят, хорошо платят и не гнобят за то, что ты поганый некромант.

Некромантов никогда не было много, и в Легионе тоже – кроме капитана Саважа, полковник де Риньи и вот этот сержант Маро. Некромантом он был неплохим, мог бы дослужиться до изрядных высот, но показал себя ленивым и служить особо не желающим. Правда, однажды ему всё равно довелось спасти капитана Саважа – вытащить из изрядной задницы, тогда Саваж и поклялся, что придёт на помощь, стоит Кусачке только позвать.

И вот Кусачка позвал. Уже прошёл десяток лет, даже больше, как оставил службу Саваж, да и сам Кусачка тоже подался в жизнь менее организованную, но и более непредсказуемую. Саваж не знал, с кем тот спутался, и кто охотник на такую редкую и, прямо скажем, не самую привлекательную дичь. Но дал слово – помогай. Тем более что вдруг там всё просто, на самом-то деле?

Кусачка объявился из теней прямо посреди саважеской квартиры. Огляделся, присвистнул.

– Хорошо живут дети генералов! Спят в тёплых постельках, едят вкусно, пьют сладко! – заявил он с порога.

– Дети генералов каждый божий день отрывают зад от тёплой постельки и идут читать лекции студентам, – усмехнулся Саваж. – Рассказывай, во что влип, беспокойный ты наш.

– Во что, во что... Влип, да и всё.

– Нет уж, дорогой мой Маро. Выкладывай всё как на духу, ясно? Иначе не видать тебе от меня ни поддержки, ни помощи.

Саваж загнул, конечно, но лишь самую малость. Потому что помогать лучше всего с открытыми глазами, а вытаскивать кого-то из задницы – осознавая размеры той самой задницы.

Кусачка поюлил да и рассказал. Задница оказалась изрядной глубины.

Последние пару-тройку лет он, оказывается, промышлял незаконными магическими услугами. Некроуслугами, ясен перец, потому что больше-то ничего из него не получишь, как

ни старайся. И ладно был бы стихийником или менталистом, может быть, и вышло бы что толковое. Но все же понимают, какого рода услуги может оказывать некромант!

Он и оказывал. Расспрашивал покойников, иногда для того дела вскрывая могилы. Похищал людей. Воровал ценности. Но до последнего не убивал.

Его наняли похитить человека, и он согласился, дурак такой, не разузнав предварительно детали. А детали были мерзкими – похитить ребёнка, девочку десяти лет, и держать в условленном месте, чтобы отец девочки, депутат парламента, согласился на нужные заказчику изменения в законодательстве. Уж конечно, лично тому заказчику Кусачку никто не представлял, он работал с его доверенным человеком. И когда понял, что от него требуется, то спросил того посредника – не рехнулись ли они. Ему было сказано, чтоб знал своё место и делал что велено. Тот возмутился – ну, попробовал. Девочку всё равно похитили и подняли в прессе шум, что всё это – дело рук паршивых некромантов. Более того, он нашёл то место, где её прятали, проник туда и вернул ребёнка родителям, но его чуть не арестовали в момент возвращения – как того самого похитителя. Тогда он нагрязнул к известному ему посреднику, расспросил его обо всех деталях своими методами и убил. И с тех пор скрывается, потому что его ищут как официальные власти – потому что он обвиняется в похищении дочери депутата Лавалья, так и полукриминальное сообщество, поддерживающее противника Лавалья – депутата Бурже. И как раз люди того депутата Бурже, даром что сами – простецы простецовые, имеют какие-то знания в области артефактов, заточенных против некромантов. И не гнушаются использовать.

Саваж только охнул про себя, услышав эту дивную историю. Потому что...

– Дурак ты, Кусачка. Что им о тебе известно?

– Вроде только то, что некромант. Я им своих документов не показывал.

– И что, ни одного мага? Все простецы?

– Самые простецовые, какие только могут быть.

– Однако же ты утверждаешь, что они что-то понимают в артефактах против некромантов?

– Понимают. Столкнёшься – сам увидишь.

Саваж не испытывал желания сталкиваться. Совсем не испытывал. Более того, в последние годы он даже и за политическими новостями-то не особо следил, потому что это ему было неинтересно. Всё интересное происходило в его академическом мирке, а о каких-то более глобальных событиях рассказывал отец. Он не был ни депутатом, ни, спаси господи, министром, хотя ему, был момент, и предлагали, он просто имел множество знакомцев и охотно принимал их в своём доме. Матушка с удовольствием блистала на таких приёмах, и только Жана им не удавалось туда заполучить. Единственным исключением был традиционный праздник для военных в рождественские каникулы, туда он ещё считал для себя возможным приходить.

И вот теперь вся эта грязная политика пришла прямо к нему домой в облике Ришара Маро по прозвищу Кусачка.

– Ладно, пересидишь пока у меня. А чтобы не возникло вопросов, например, у соседей, легенда такая – я завёл себе управляющего.

– Кого-кого? – вытаращился Кусачка.

– У меня в доме не может скрываться некромант, которого в чём-то там обвиняют. Зато может жить кто-то, решающий мои бытовые проблемы. У меня есть камердинер, он смотрит за одеждой – носит в магическую чистку и всё такое. Но мне нужен человек, который будет заниматься закупкой продуктов, общаться с уборщицей, приобретать для дома всё нужное и решать какие-нибудь насущные вопросы. И если ты будешь это делать, ни у кого и мысли не возникнет, зачем ты здесь. Ещё, скажи-ка, они знают тебя в лицо?

– Я контактировал с ними всеми в личине.

– И то ладно. Здесь ты у меня со своим лицом и своим именем, ничего удивительного в том, что я даю работу сослуживцу, который решил освоить мирную профессию. У меня даже

комната для тебя найдётся, одна из двух гостевых, камердинер-то проходящий. Но только и дела я тебе тоже буду давать настоящие, а не сделаешь – буду бить. Понял?

– Понял, – вздохнул Кусачка.

– Сегодня тебе задача: одеться порядочно, как человеку, который служит в приличном доме, а не некромантией в обход закона балуется. Денег я дам. Приду ли домой на ужин – сообщу. Но если от тебя что-то ещё потребуется – свяжусь и скажу.

Кусачка уныло кивнул.

– Но ты хотя бы выясняешь, что там со мной и как?

– Именно этим и займусь.

И вот на дворе была суббота, на выяснение ушло полтора ценнейших дня, и пока он главным образом расспрашивал, напоминал о себе, встречался с нужными людьми и просил узнать. Но сегодня день будет посвящён ему самому и никому более. Потому что есть дела и люди поважнее Кусачки. И сейчас он оденется и пойдёт сначала на последнее заседание конференции, а потом и на финальный банкет.

7. Банкет

Когда дурной некромант не появился на конференции ни в четверг, ни в пятницу, Марион расслабилась. Выступил, развлёкся – и сгинул куда-то по своим некромантским делам. Туда и дорога, вообще-то.

И она совсем не ожидала, что он объявится в субботу. Начищенный, наглаженный, да как бы не напомаженный. Шевелюра длинная в хвосте. Явился за минуту до начала, раскланялся со знакомцами и сел в первом ряду. Вот пусть там и сидит, и назад не оглядывается.

Правда, стоило начать первому докладу, как он завертелся и принялся беспардонно разглядывать зал. И, конечно же, заметил Марион и даже поклонился. Она уже чуть было не спряталась за кого-то высокого спереди, но потом подумала: а чего ей прятаться? Она капитан Легиона Марион Блуа или кто? Ещё только не хватало – прятаться от каких-то там некромантов!

И когда объявили перерыв, он появился из своих некромантских путей прямо возле неё.
– Доброго вам дня, прекрасная госпожа Марион.

Тьфу, от него же даже каким-то парфюмом пахнет!

Хотя, конечно, нужно признать, что такие мужчины тоже производят впечатление... некоторое. Чистые, отглаженные, ухоженные. Может быть, их держат дома для красоты? О том, что от них может быть какая-то польза, Марион и не предполагала.

– Здравствуйте, – кивнула она.

И не сказала больше ни слова. Ибо зачем?

– Рад вас видеть. Скажите, вы не думали больше над вашей аргументацией?

А я вот вас видеть не рада совершенно, думала Марион. И моя аргументация – не ваше собачье дело.

Он говорил что-то ещё, испытующе на неё поглядывая, но она молчала. Не сказала в ответ ни слова. Совсем. Только посмеивалась про себя и ждала – а надолго ли его так хватит?

Было видно, что её тактика его бесит, но он сдерживался. Молодец, очко ему. Но и всё.

Когда объявили начало следующего заседания, он отстал и вернулся на своё место. Слава богу, пусть там и остаётся. Марион поглядывала и проверяла – на месте ли затылок с хвостом, а то кто его знает, он может прямо посреди чьего-то доклада провалиться в тени и вынырнуть где угодно.

К счастью, после официального завершения докладов его отвлекли какие-то коллеги, благослови их господь. Марион распрощалась со знакомыми и отправилась к Люсиль собираться на банкет. У неё оставалось ещё три часа, чтобы привести себя в подходящий вид.

Она рассчитала время верно и появилась в банкетном зале Академии за четверть часа до начала. Как раз – подкрасить губы, поприветствовать всех знакомых и отправиться искать свою карточку на столе. Карточка нашлась среди сотрудников факультета боевой магии – всё правильно, там ей самое место, хоть она и войдёт в штат факультета только с сентября.

– Марион, вы прекрасно выглядите, – улыбнулся ей декан Жюльен Дюмон. – Ваше выступление вызвало известный резонанс, мне кажется, что защита вашей диссертации будет удачной.

– Было бы неплохо, – кивнула Марион.

За три дня её уже пригласили ещё на три конференции, ближайшая, правда, состоится только в сентябре, зато в Массилии, на базе тамошнего университета. Будут выступать коллеги из Легиона. Она подготовит туда другой материал и попробует совместить с занятиями, которые как раз начнутся. А потом конференцию проводит военная академия, это тоже хорошо, они не каждый раз приглашают боевых магов, а тут целая секция намечается.

Третье приглашение было вовсе в Другой Свет, в декабре. Она вежливо ответила, что определится в указанные сроки и либо пришлёт тезисы и стендовый доклад, либо приедет и выступит очно.

Главное, чтобы через месяц ей всё разрешили. Тогда она справится со всем.

Пока же эти три дня дались Марион – каждый легче предыдущего. В первый день она всё же волновалась, и дурак-некромант тоже подпортил и настроение, и впечатление. Два других дня прошли как песня – она приходила, слушала, общалась с коллегами, и это было хорошо. Нормальная жизнь нормального человека. Ей уже хотелось быстрее возвращаться в Массилию, где у неё была съёмная квартирка, и работать дальше. Увы, в доме Люсиль возможностей для работы не было, потому что дома или она сама, или дети, или все разом, и они постоянно хотят общаться. О нет, Марион любила сестру и племянниц, но никак не могла объяснить, что ей нужно время и немного личного пространства для работы. Люсиль считала, что работа – она вне дома, а дома ты в первую очередь для семьи, остальное вторично. Мама считала примерно так же. И вот поэтому – скорее в Массилию, а через месяц вернуться к врачам.

Пока же банкет с коллегами. Марион долгое время существовала в режиме жёстких пищевых ограничений, потому что её пищеварительная система тоже была не в лучшем виде. Однако же, профессор Делез разрешил понемногу есть всё, и банкет оказался прекрасной возможностью понемногу вспомнить, что едят в праздник нормальные люди. Тем более что банкет был заказан в каком-то очень приличном месте – и закуски, и горячее очень аппетитно выглядели и прямо просились в рот.

В перерыве она успела обсудить пару интересных вопросов, а потом услышала над самым ухом:

– Дорогая госпожа Блуа, как я рад вас здесь видеть.

Марион про себя сосчитала до десяти, потом только обернулась к говорившему. Подавила в себе иррациональное желание дёрнуть его за роскошный хвост, потому что так нельзя. Хотя, наверное, он бы понял такую аргументацию. Ему было бы больно, она ещё не забыла, как это, когда тебя со всей дури дёргают за волосы – в школьные годы довелось ходить с косичкой, за которую то и дело дёргали. Каким счастьем оказалось потом эту косичку отрезать!

– Нужно ли говорить, что я не рада совершенно, господин профессор? – поинтересовалась она.

– О, вы разрешили себя от обета молчания, прелестно. Побеседуем?

И он бесцеремоннейшим образом взял её под руку и повёл вдоль стены с портретами великих профессоров прошлого.

8. Покажите вашу нежить

Саваж вошёл в зал заседаний, как всегда, за минуту до начала, и толком не успел оглядеться, разве что поздоровался со знакомцами. Впервые в жизни подумал, что мог прийти чуть пораньше, чтобы точно поймать до начала интересующую его особу.

Особа засела в мыслях как-то очень прочно, и даже беды Кусачки её оттуда не выселили. Нет, у него и раньше такое случалось, и свидание должно было стопроцентно излечить. Или не излечить, но оставить по себе прекрасные воспоминания, которые потом греют душу и которые иногда не грех освежить. Если обе стороны свободны и согласны.

Первый доклад не был интересен ему никак, и он принялся остороженько смотреть – есть ли в зале Марион Блуа. Есть, есть, всё хорошо. У него даже сердце забилось быстрее, когда он разглядел её пятью рядами далее. Сидит, красавица, сидит, хорошая моя. Ну и отлично.

Правда, в перерыве она продемонстрировала ему характер во всей красе – поздоровалась, да и только. Мол, я вас знаю, вижу, а дальше – идите себе, куда шли. Но я шёл-то к тебе, красавица моя. Так что не уйдёшь.

Саваж даже спросил у Дюмона, декана боевиков, придёт ли госпожа Блуа на банкет. Тот глянул строго, сказал, что собиралась, и добавил: нечего, мол, к ней цепляться, у неё отличная работа по редкой тематике, просто ещё нуждается в некоторых улучшениях, но госпожа Блуа – дама очень организованная, с невероятным кругозором и жизненным и боевым опытом, она будет отличным учёным и преподавателем. Саваж не стал спорить, в тот момент ему уже было намного больше дела до неё самой, чем до её работы. Хотя работа, конечно, отличный предлог, чтобы начать разговор, а дальше уже как сложится.

Он увидел её сразу же, только лишь вошёл в банкетный зал. Ощутил каким-то органом чувств, который просыпался у него всякий раз, стоило лишь открыть охоту на понравившуюся женщину. Она стояла с другими боевиками и чему-то смеялась – очень заразительно смеялась, улыбка тут же поползла на лицо Саважа сама собой.

Саваж любил, когда красивые женщины обладали ещё и хорошим вкусом. Марион Блуа была, несомненно, из таких. Умница, понимает, что с такими глазами нужно непременно носить зелёное. Кто другой в таком платье выглядел бы бледной немочью, а она – строгой красавицей. Казалось, что глаза у неё стали ещё больше и ещё завлекательнее. А губы вдруг алые, яркие. Накрасила, наверно. Удачно накрасила.

Саваж не то чтобы разбирался во всяких женских ухищрениях, но если вокруг тебя признанные красавицы научного мира Паризии и юные студентки, поневоле начнёшь что-то понимать. И, понимая, ещё сильнее восхищаться.

Марион Блуа была красива от природы и умела подчеркнуть свою красоту благодаря хорошему вкусу. Это давало ей огромный плюс в его глазах и увеличивало её ценность как объекта охоты.

И что греха таить, то, что она всячески выказывала свою неприязнь, тоже повышало её ценность как объекта охоты. Саваж очень любил, когда вот так – сначала рычат и кусаются, а потом ластятся и мурлычут. Правда, пока он не мог вообразить Марион Блуа мурлычущей, ну да всякое бывает, так? И он был готов всячески поспособствовать превращению дикой львицы в ласковую кошечку.

Правда, поговорить с дикой львицей удалось только в перерыве. Разнообразные коллеги с бокалами в руках бродили и беседовали, а Саваж оставил бокал на столе и двинулся в направлении своей цели. Цель разговаривала с кем-то из боевиков, и он подошёл прямо к ней и сказал вкрадчиво, как умел:

– Дорогая госпожа Блуа, как я рад вас здесь видеть!

Она глянула недобро и ответила, всё же ответила:

– Нужно ли говорить, что я не рада совершенно, господин профессор?

Он подозревал, что ноздри его раздуваются, глаза сощурились, все волоски на теле встали дыбом. Если бы у него был хвост, как у того дикого кошака, которого древние Саважи нама-левали себе на герб, тот хвост бы сейчас нервно подрагивал.

– О, вы разрешили себя от обета молчания, прелестно. Побеседуем?

И как ни в чём не бывало подошёл, взял под руку и повёл вдоль стены, увешанной портретами всяких древних Саважей, Вьевиллей, де ла Моттов и прочих.

– Вы всегда настолько беспардонны, профессор? – холодно поинтересовалась красавица.

– Не скрою, я привык добиваться своих целей, – улыбнулся он.

Спроси, спроси же, в чём моя цель. Отвечу без утайки, – так он думал.

Но она спросила другое.

– И часто вы гоняетесь за химерами?

– Почему за химерами? – ну вот ещё, выдумала.

– Потому что цель может быть придумана на пустом месте, – произнесла она менторским тоном. – А ещё люди, бывает, выдают желаемое за действительное и потом огорчаются. А виноваты сами, потому что напридумывали себе каких-то целей, – припечатала под конец.

Тьфу ты, лучше было её вовсе не трогать, даже за руку, потому что... потому что. Когда цель так близка, удержать тело от вполне естественных реакций на объект постоянных мыслей практически невозможно, будь ты хоть сто раз маг. А она, понимаете ли, рассказывает, что он сам виноват!

– Видите, госпожа Блуа, мне почему-то хочется, чтобы ваша работа, которая уже вызвала резонанс в академической среде, стала ещё лучше. И чтобы там, где речь идёт просто о нежити, вы и говорили просто о нежити, – ну вот, пришлось снова ей об этом сказать.

Лучше б о том, как она красива, но ведь она снова будет кусаться.

– Да что вы заладили – нежить, нежить! Будто ни вы, ни я не видели никогда этой самой нежити, – фыркнула она. – Будто нежить – единственная в мире причина всего. Я понимаю, что вы некромант, но даже некроманту следует знать, что мир многообразен, – произнесла строго. – Особенно если этот некромант пытается кого-то чему-то учить, – добила, совсем добила.

Чёрт, и даже не пытается вырвать руку! Он бы отпустил её сразу, ни сам не мучился, ни её не смущал, или что там она про него думает. А теперь отпускать посреди разговора – вроде как и не с руки...

– Дорогая госпожа Блуа, если вас никак не убедить теоретическими выкладками, я бы рискнул показать вам эту самую нежить. И убедил вас.

– И где, позвольте спросить, вы в эту пору найдёте нежить по требованию? – она настолько изумилась, что даже остановилась и подняла на него взгляд своих прекрасных зелёных глаз.

– О, есть такое место, – сказал Саваж, совершенно не подумав, к чему это может привести.

– Пойдёмте, покажете вашу нежить. Раз от вас иначе не избавиться, – поджала она губы.

9. Практическое подтверждение теоретических положений

Марион уже не знала, как отвязаться от этого идиота, не привлекая к себе внимания и не раздувая скандала. Она могла преотличненько дать ему в глаз, но не в стенах Академии же, в самом-то деле?

А он шёл себе, держал её за руку, очень уверенно и осторожно, к слову, держал, не тянул, не дёргал... комфортно так держал, в общем. Аккуратно. Она бы даже сказала – нежно, если бы могла как-то увязать это слово со всем тем, что он ей говорил сегодня и три дня назад. Нет, не увязывается, простите. И когда он заговорил о демонстрации нежити – то не смогла придумать ничего лучше, кроме как спровоцировать его продолжать.

Потому что не видела иного способа отвязаться от него.

Пусть покажет свою нежить, потом она скажет ему, что он дурак, потому что повреждения, нанесённые нежитью, носят совсем иной характер, иначе сказываются на физическом здоровье и на магических способностях. И она ему объяснит – как. И если он снова не захочет понимать – то получит в рожу, в свою холёную рожу, и перестанет, наконец, усмехаться и поглаживать её ладонь.

– Вы готовы отправиться прямо сейчас? – он смотрел изумлённо.

– У меня не так много времени. В понедельник я уже планировала уехать. Или идёте, или... вы просто трепло.

А трепло и есть, наверное. Потому что кто предпочтёт банкетный зал месту, где водится нежить?

– Хорошо, прекрасная Марион, сейчас. Только... там ночь, не слишком комфортно, и вы можете замёрзнуть в своём прекрасном платье, – ей кажется, или его голос звучит растерянно?

– Отлично, дайте мне, скажем, час, я приведу себя в подходящий вид, чтобы... общаться с нежитью.

Можно вызвать такси, съездить переодеться и вернуться сюда.

– Как далеко вы живёте?

– Не слишком.

– Мы можем сократить путь... если это вас не испугает.

– Как именно?

– Вы знаете, каков для некроманта кратчайший путь между двумя известными ему точками?

– Тени, что ли?

Уж конечно, Марион знала про смертную изнанку мира и даже пару раз бывала – по службе.

Неприятно, конечно, но некоторые целительские манипуляции куда неприятнее!

– Именно, – кивнул он, вдруг сделавшись серьёзным. – Хотите сказать, что готовы рискнуть?

– Никакого риска, – пожала она плечами. – Улица Хитрой Лисицы, дом сто двадцать два. В дверь не звонить ни в коем случае, в доме уже спят. Договоримся о времени, и я выйду.

– Идёт, – кивнул он, по-прежнему несколько растерянно.

Не ожидали? Получите, господин некромант.

Марион наконец-то выдернула у него свою несчастную руку и поспешила распрощаться.

– Если мы хотим что-то успеть – нужно спешить. Когда вы появитесь?

– Вы сказали дать вам час, пусть так и будет.

– Отлично. Через час, улица Хитрой Лисицы.

И пока помощник распорядителя вечера вызывал для неё такси, она успела распрощаться со всеми, с кем нужно было. Её уход не выглядел чем-либо странным – все знали, что Марион Блуа нездорова и в любой момент может почувствовать себя плохо и уйти. Ну а сейчас просто никому не следует знать, куда именно она направляется и зачем.

Червячок сомнения всё же подгрызал её – потому что нормальный человек не пойдёт ночью с почти незнакомым некромантом неизвестно куда смотреть на нежить. Но, с одной стороны, Марион давно уже не считала себя нормальной – примерно с момента поступления на боевой факультет. А с другой – её дело, что хочет, то и делает. А если что пойдёт не так, то кому потом открутить придурку голову – найдётся.

Она вышла на крыльцо, там стояли дамы-стихийницы, она даже по именам-то их знала далеко не всех.

– Неужели Саваж вас так допёк, что вы сбегаете? – спросила одна.

– Саваж? Допёк? – нахмурилась Марион.

Ох ты ж, как всё это выглядит со стороны, оказывается!

– Да он же первый бабник Академии, – фыркнула ещё одна. – Не пропускает ни одной новой женщины, стоит ей только появиться на горизонте.

– И ни одной студентки? – в тон спросила Марион.

– Про студенток не знаю, сама не видела, – пожала плечами собеседница.

– И что, никто не женил его на себе? – обычно на бабников охотятся не меньше, чем они сами.

– Господи, кому захочется стать невесткой госпожи декана? – усмехнулась дама. – Никто не самоубийца.

Марион была знакома только с генералом Саважем, а кто там у него в супругах, не имела понятия. Генерал был человеком достойным и приличным. Поэтому в ответ она только пожала плечами – не знаю, мол, ничего.

Такси приехало быстро, и дома у Люсиль она появилась минут через двадцать после расставания с Саважем. Люсиль и девочки спали, Марион предупредила, что может вернуться поздно или очень поздно. Так и выйдет – очень поздно.

В своей комнате она быстро сбросила красивое платье и чулки и надела форму Легиона прямо на кружевное бельё – потому что нет на свете ничего удобнее, а в неизвестное место, где водится нежить, нужно идти в такой одежде, в которой удобно и убежать, и отбиться. Поэтому – взять небольшой походный рюкзачок, где есть запас воды и кое-какие препараты, нужда в которых может возникнуть, пистолет и нож – на всякий случай. Обычно она справлялась без оружия, только магической силой, но мало ли что там, и зеркало для связи – заговорённое, не разобьётся. Салфетки, зубная щётка, маленький кусочек мыла, расчёска – так, на всякий случай, всегда лежат. Можно идти?

Ботинки тщательно зашнурованы, зелёная куртка застёгнута, рюкзак на плече. Время – то, что надо. Марион на цыпочках вышла и закрыла за собой дверь. Задвинула засов – дотянулась до него мысленно снаружи. И вперёд.

Саваж поджидал её на улице, и, чёрт возьми, этот идиот не переделся. Как был в смокинге, так и стоял под фонарём. Только хвост свой ухоженный распустил – интересно, зачем?

– Вы... собрались на вечеринку? – поинтересовалась Марион.

– Я собрался в бой, как и вы, похоже, – он одобрительно её оглядел. – Капитан, да? – совершенно правильно расшифровал он язычки пламени у неё на рукавах.

– Верно, – кивнула Марион. – Первый раз вижу мага, который идёт в бой вот так. Да ещё и с, гм, растрёпанной шевелюрой.

– У каждого, прекрасная моя Марион, свои обычаи. Я допускаю, что вам привычнее встречать опасность в форме, раз вы служите. Мне же больше по нраву вот так.

Что ж, не жалко смокинг и сорочку – его дело.

Саваж подал ей руку.

– Прошу вас, госпожа Марион, – поклонился он ей. – Считаю своим долгом предупредить – мы отправляемся в такое место, где нас могут атаковать прямо с ходу, едва мы ступим на землю. Будьте готовы.

– Что это за место такое? – не поверила она.

– Льенский некрополь – слышали о таком?

– Нет, не доводилось, – покачала она головой и испытующе на него посмотрела. – И что, там вот прямо... нежить?

– Вот прямо нежить, – с готовностью подтвердил он. – Та самая заведомо агрессивная антропоморфная нежить старше пятисот лет. Там не хоронили после Великой революции, но до того – много и активно, и кто только там ни лежит. И праведники, и грешники, и дураки, и сластолюбцы, и преступники. И много магов. И далеко не все из них готовы смиренно лежать, место такое, не располагает к смирению. Если хотите – расскажу подробнее, но потом, когда вернёмся.

Он предполагает, что они вернуться? Это хорошо. Потому что у неё через месяц консультация, от которой зависит всё дальнейшее.

Марион подала Саважу руку и вместе с ним шагнула в тени.

10. Аргументация

Саваж никак не ожидал, что Марион Блуа согласится пойти с ним поглядеть на нежить. Но она согласилась с пол-оборота, и когда он увидел её, выходящую из дома в форме Легиона с горящими, как у кошки, глазами, то ещё раз восхитился – необыкновенно же красивая женщина!

Шанс на то, что красивая женщина после экскурсии в некрополь согласится пойти к нему в гости, был невелик, но имелся. Поэтому Саваж заглянул домой, велел Кусачке Маро охладить бутылку белого лимейского, одну из двух, случившихся в доме, и даже пережил бурчание на тему зажавшихся аристократов. Саваж совсем не считал себя зажавшимся аристократом, о чём и сообщил дорогому другу, и добавил, что не так уж это сейчас и сложно, добыть лимейского вина – ходят слухи, что служащим своей корпорации Роганы просто дарят по бутылке на Рождество каждый год. Ладно, не всем, на всех не хватит, но приличным работникам – точно. Не пойти ли тебе, дорогой мой Кусачка, и не поработать на магическую мегакорпорацию? Ах, не пойти? Тогда, мил друг, слушай и не выпендривайся.

Вторым повелением было принести еды из таверны «Мясное королевство» и попросить законсервировать её под силовым куполом – была у них такая услуга. Стоило вдвое против обычного ужина в их таверне, но позволяло есть вкусно в любое время. А Саваж любил вкусно есть и сладко пить, и ещё красивых женщин. Красивая женщина, конечно, что-то поела на банкете, но она такая тощенькая, что её просто всё время хочется накормить. Просто чтобы покруглее стала. И подобнее тоже, где-то он слышал глупость о том, что все тощие – стервы.

Конечно, дорогая матушка, сиятельная герцогиня Коринна де Саваж, урождённая де Линь, декан воздушного факультета Академии и прочая, оправдывала эту мысль стопроцентно, но мир разнообразен, как уже несколько раз повторила наша новая знакомая госпожа Блуа. Некоторые известные Саважу дамы обладали и стройными формами, и ангельским нравом. Так что... поглядим.

Сам он и не подумал переодеваться. С тех пор как форма осталась в прошлом, и биться приходилось чаще против неживого, чем против врага из плоти и крови, Саваж всегда ходил в такую битву при параде. Уважение к врагу – враг опасен весьма, недооценивать глупо. Будешь уважать врага, будешь внимательнее к нему относиться – дольше проживёшь. И поэтому – пусть вся удача саважевского рода будет сегодня с нами, пусть нежить рассыплется в прах, и пусть что-нибудь поможет уговорить прекрасную Марион зайти в гости.

И вот она вышла из дома, осторожно заперла замок магическим путём, подала ему руку и шагнула разом с ним в тени – спокойно и бестрепетно. Рука не дрогнула – не боится теней, такое не подделать. Имела опыт, наверное, но в Легионе чего только не бывает, и тенями ходить тоже случается. В его время случалось. Наверное, и сейчас тоже бывает.

Они вышли в знакомом месте – в самом сердце Льенского некрополя. Некрополь занимал изрядную территорию, и глупые люди не раз на неё покушались – потому что вокруг строился и ширился город, и всем хотелось снести эти стародавненские могилы и захватить землю. Но мёртвые не хотели эту землю отдавать, да и не по справедливости это – что смерти отдано, то отдано, обратно уже не вернуть.

Года три назад власти Льена попытались построить тут поблизости жильё в рамках какой-то дурацкой социальной программы – ну, чтобы дёшево и всё такое. Да только думать нужно, прежде чем в таких местах строить. И во время строительства жертв было нездорово много, и после, когда эти дома попытались заселить. В итоге большая часть квартир пустовала.

А всего-то – спросите некроманта, он вам и объяснит, что на месте некрополя живым делать нечего. Ну ладно, днём прогуляться, цветочки положить, если вдруг предок какой там затесался среди прочих. А вообще – нечего.

Некроманту же, напротив, всегда есть чем заняться в таком перспективном месте. Боевику, впрочем, тоже.

Лет пять назад Саважу довелось поучаствовать в усмирении здешних жителей – магическая полиция Льена, в которой отродясь не служило ни одного некроманта, обратилась к соответствующему факультету Академии с просьбой о зачистке территории. Ну что, собрались да прогулялись, и студентов взяли, чтобы те посмотрели, с чем придётся дело иметь. Саваж, помнится, даже заикнулся, что вот бы сделать этот некрополь базой практики, но декан де Ла Валетт решил, что он рехнулся. Студентов? В этот некрополь? Чушь какая. Только дипломированных специалистов, не иначе. А студенты будут учиться в менее опасных местах.

Круглая вымощенная мрамором площадка в центре опасного места была окружена остатками колоннады и древними дольменами – сначала тут располагалось святилище доисторических людей, потом в имперские времена его попытались облагородить, но использовали ровно по тому же назначению. И продолжалось это до Великой революции в конце позапрошлого века – да-да, той самой, когда от всех Саважей остался только пятый сын герцога, Дени. Правда, он отлично справился – и воевал, и на дипломатической службе отметился, и министром потом был, и он-то как раз женился третьим браком на Изабель, в тот момент вдовой маркизе де Риньи, некроманте из некромантов. О романтической истории между этими двумя Саваж читал в записках означенного маршала Дени, но если копать историю Саважей, там куда ни глянь, будет романтическая история. Может быть, он в юности перечитал этих самых исторических хроник, потому что его разнообразные связи на романтическую историю не тянули никак?

Что ж, мы на месте. Дорогие хозяйева, вы где?

Саваж шагнул вперёд, выставя защиту, и тут же ощутил рядом защиту Марион. Умница какая, на автомате ставит, впрочем, в Легионе иначе не выжить. И поставили они очень вовремя – потому что из-за ближайшей колонны уже тянулась сизая дымка, приобретая человеческие черты. Да-да, антропоморфная заведомо агрессивная нежить. Старше пятисот лет. Почему-то именно рубеж в пятьсот лет оказывался для посмертных существ особо опасным – после него они не помнили себя и имели одну лишь цель – сожрать всё живое.

– Так, штатские за спину, – скомандовала Марион.

Взяла руками хитрую позицию, и с её ладоней красиво сошло пламя. Оно поглотило ближайшую нежить, и та осыпалась серым пеплом.

– С чего бы это? – не понял Саваж. – Смотрите.

И он выпустил из ладони красивое серое щупальце, которое, как кнутом, прошлось по ползущим из-за колонн теням, и точно так же обратило их в пепел.

– Неплохо, – согласилась она.

– Дорогая госпожа Марион, некроманты предназначены для уничтожения агрессивной нежити. Я бы предложил вам отойти и постоять за моей спиной – очень уж вы хрупкая, можете пострадать.

– Эй, вы, я вообще-то квалифицированный боевой маг!

– А я – квалифицированный маг-некромант, – ответил он как смог мягко, хотелось-то выругаться, вполне по-легионски. – Хотели посмотреть – смотрите и не лезьте.

– Чего смотреть-то, бить надо! Сожрут ведь и не поморщатся!

Саваж был с ней совершенно согласен: раз уж притащились сюда, нужно бить.

Нежить вывалилась с двух сторон, и со спины, кажется, тоже. Он мгновенно ощутил щит сзади и шипение пламени с той стороны. И сам живо ударил – да как хорошо, зацепил много, и все они с тоненьким воем осыпались пеплом.

– Вот такие существа, госпожа Марион, и оставляют на физической и магической оболочке человека те следы, о которых вы нам рассказывали.

– Я рассказывала совершенно о другом, – фыркнула она. – Я вам сразу сказала – внимательнее нужно быть, повторю и сейчас, – и закрутила направленным потоком воздуха пяток тех самых существ, вывела под щупальца Саважа, а он уже обратил в пепел.

Всё верно, атакующая сила – она не только про огонь. И, кажется, наша красавица владеет самыми разными её вариантами.

В целом дело пошло – спина к спине, или влоборота, их щиты соприкасались, и из-под них было очень удобно атаковать. Бить, развоплощать, испепелять. Жечь.

Правда, у той самой антропоморфной, заведомо агрессивной и прочая, и прочая нежити имелась ещё одна неприятная особенность. Способность принимать облик знакомых людей, как просто знакомых – в лицо и по имени, так близких и дорогих. Тех, кого уже не было среди живых.

Уж конечно, у них тут было кого показать Саважу, за почти сорок лет у любого найдутся покойные родичи, друзья и враги. А если ты служил в армии и бывал на войне – так и вовсе. Поэтому... не смотреть. Говорить себе, что это – не дедушка Жан-Луи, и не одноклассник Валентин, и не сержант Трему, и не Луиза, и не Магдалена, а нежить, самая обычная нежить, а он – просто некромант, который знает, что делать с той нежитью и как это сделать лучше всего, чтобы насовсем.

Сзади охнула Марион и что-то пробормотала себе под нос, Саваж разобрал не всё, но понял – ей тоже кого-то показали.

– Марион, это нежить. Просто нежить, кем бы они ни прикидывались. Тех, кого они вам пытаются показать, не существует на свете, верно?

– Да. Верно, – резко выдохнула она, как-то очень резко, её прямо захотелось утешить.

Пламя подутихло, опустилось... Саваж оглянулся – ну точно. Стоит, зажмурилась, наверное – увидела кого-то близкого, очень близкого. А здешние жители не дремлют, им того и надо.

Он проговорил формулу на древнеимперском языке – совсем не обязательную, но усиливающую магическое действие, это для всех работает, не только для некромантов. И хлестанул не только по своей части круга, но и по её тоже, выпустил щупальце на максимальную длину. И ещё раз, и ещё. Так, а что там сбоку?

А сбоку уже слышался треск пламени – Марион пришла в себя и снова как ни в чём не бывало поливала плиты и камни вместе со всеми их обитателями потоками огня. Жгла.

Ох, как вдохновенно Марион жгла! Ровный, стабильный поток пламени, ещё и очень красивый, если кто понимает в такой красоте. Саваж понимал – как-никак сын генерала и сам служил. Правда, в его бытность женщин в Легионе почти не было, двое всего, что ли. А вот теперь – получите. Капитан Марион Блуа, прекрасная и смертоносная.

Он даже голову повернул, чтоб лучше её видеть – невероятно, никогда ещё ему не доводилось любоваться на женщину во время боя. Правда, пришлось дать себе пинка, потому что чуть не проглядел прорыв на своём участке обороны, но успел, повернулся к врагу лицом и поддал. И ещё раз поддал, и ещё.

Его щупальца и её пламенный полукруг слились в нечто единое, и это оказалось, пожалуй, самым красивым и смертоносным, что он видел за всю жизнь. Что, нужно было тренироваться с боевиками?

Или просто это Марион Блуа такая... невероятная во всём?

Он даже не сразу понял, что всё, нападающих они уничтожили, а все прочие попрятались. И что небо с восточной стороны ощутимо посветлело. Ничего себе они тут развлеклись, утро уже!

Он снял защиту, опустил руки, обернулся... и увидел, как Марион, сделав несколько нетвёрдых шагов, дошла до колонны, прислонилась к ней и сползла на землю.

11. Идём до конца

Марион лежала на чём-то неудобном – кажется, на гравии дорожки, прислонившись к какой-то каменной штуке. Не к надгробию, и ладно. Или к надгробию? А, неважно, уже неважно.

Она чуть приоткрыла глаза, увидела светлеющее небо. Ничего себе они провозились, но лето же, ночи короткие. И снова закрыла глаза.

Хорошо... Она снова слаба, как после тяжёлой процедуры или операции, у неё ещё поднимают руки – сколько она их не использовала по назначению, отвыкла, но она счастлива. Она может, она всё ещё может. Ей просто нужна практика, тогда она сможет ходить в бой на более долгое время... и не только против заведомо агрессивной антропоморфной нежити старше пятисот лет. О, да она благодарна Саважу за то, что втянул её в это дело – сначала разругались, зато потом как порезвились!

Две руки подхватили её под мышки и попытались поставить на землю. Не удалось – ноги не держали совершенно. Тогда её крепко прижали к груди, и у неё даже не было сил и желания возражать. Держит? И пусть держит.

Но он не только держал, он ещё поглаживал по спине, а потом поцеловал. Сначала – просто коснулся, словно приветствуя. Потом – вернулся, сначала легко касаясь, потом с небольшим нажимом, лаская, пробуя, исследуя... Исследователь хренов! Тело Марион отреагировало неожиданно и мощно – горячей волной изнутри. О да, победа, пусть даже и над неживым врагом, и мужчина – это самое то, что ей сейчас было нужно. Врагов победили, и мужчину тоже... победим.

Она схватилась за него и открыла глаза. Смотрит, не отрываясь, чёрт желтоглазый.

– Что это вы делаете, позвольте спросить? – усмехнулась она.

– Исполняю мечту, – он не задержался с ответом ни на секунду. – Я хотел поцеловать вас с того момента, как увидел впервые. И ещё сделать вот так, – одна ладонь осталась меж лопаток, а вторая коснулась её затылка, легко погладила – за ушами, основание шеи, легла на затылок. – Вы прекрасны, Марион.

О да, прекрасна, сейчас – особенно. Пыльная, потная, местами покрытая копотью. Это некромантия не оставляет следов, а работа боевого мага обычно в огне. Вот и ходишь... как будто из печи вылез, так говорил зелёным выпускникам Академии в начале её службы генерал Вьевилль.

Но раз важный и преисполненный пафоса мужчина находит её привлекательной, то... значит, она ещё жива? С ней всё хорошо? Марион прикрыла глаза и сама дотянулась до его губ.

Отпрянула, рассмеялась.

– Встречаем рассвет посреди некрополя. Невероятно романтично.

– Поведётесь с некромантом – ещё и не такое будете делать, – рассмеялся он в ответ. – Но, мне кажется, мы можем покинуть это место.

Ой, можем. Марион оглядела себя – красавица невероятная, конечно. Представила лицо Люсиль, когда она заявится в таком виде домой, и страдальчески сморщилась.

– Что не так, моя прекрасная Марион? – он поцеловал кончик её носа.

– Представила, что скажет сестра, увидев меня вот такую на пороге, – в его чуть светящиеся в рассветных сумерках глаза сейчас хотелось глядеть не отрываясь.

– Ваши родные не поддерживают ваши изыскания?

– Да и службу не поддерживают, и всё, что она с собой несёт, тоже, – но сейчас это не казалось важным.

– В таком случае, позвольте пригласить вас к себе. У меня есть душ. И меня не пугает ваш вид.

Что, идём до конца, да?

– А еда у вас есть? – потому что, кроме душа, ещё бы съесть хоть хлеба кусок, что ли.

– Обижаете, Марион. Конечно, у меня есть что вам предложить. Если вы готовы ещё раз пройти через тени – то идёмте.

Он подал ей руку, и она без разговоров её приняла. Тени не страшили её совершенно.

Они вышли в холле, над которым потрудился неплохой дизайнер. Плитка на полу в виде хитрого орнамента, неяркий приглушённый свет, чёрный зонт в специальной подставке, на вешалке – два чёрных плаща, тонкий кожаный и ещё какой-то, и две шляпы. И несколько пар лакированных туфель, похожих на те, что сейчас были на нём – только эти после ночи покрытые пылью и поцарапанные.

Марион сбросила форменную куртку, расшнуровала и сняла свои тяжёлые ботинки, стянула носки и пошевелила пальцами. Ох, хорошо.

– Так, звезда моя Марион. Душ вот здесь, рядом, одежду потом почистим магически. Сейчас я вам что-нибудь дам.

– Например, полотенце?

– Например, халат. Полотенца есть в ванной.

Халат оказался белым, махровым и очень мягким, хоть и на несколько размеров больше, чем ей нужно, а ванная оборудована магически по последней моде – сверкающие краны и душ, большая ванна – или маленький бассейн, красивое зеркало. Флаконы с чем-то приятно пахнущим. Неяркий магический свет. Ох, хорошо живут наследники древних магических родов! Люсиль, конечно, сделала себе магическую подачу воды и подогрев, но недавно, пару лет назад. И ванная у неё попроще.

Она даже и не подумала запереть дверь. Просто сняла грязные штаны и футболку и осталась в том самом атласном комплекте с кружевом – который покупала под вечернее платье, а надела под форму. Под платье тоже, конечно, но вот сейчас он смотрится очень странно.

Взгляд она почувствовала некой точкой между лопаток, которой чувствовала такие взгляды всегда. Обернулась.

– Какая красота скрывается нынче под формой Легиона, в мои времена всё было проще, – он вошёл и затворил за собой дверь.

– В ваши времена? Вам доводилось служить? – не поверила она.

– Конечно, – пожал он плечами, расстегнув запонки и сбрасывая сорочку из тонкого полотна.

Открылась грудь почти без волос и вычурный серебряный крест – наверное, амулет.

Шагнул к ней, осторожно взял за плечи.

– Вы полагаете, ваша ванна вместит нас обоих? – нужно же всё прояснить.

– Я знаю это совершенно точно. И даже немного жалею, что некромант – потому что иначе мог бы сказать, что альтруистически помогаю вам восстановить силы. В том числе. А так мне придётся признаться, что я махровый эгоист, и просто хочу красивую женщину, – жёлтые глаза лучились радостью.

– И часто вы гуляете с красивыми женщинами в тот милый некрополь? – усмехнулась она.

– Вообще никогда, – покачал он головой. – И подумать не мог, что таким образом тоже можно обратить на себя внимание.

Что ж, у Марион пока не сложилось любовного опыта с некромантами, ни разу. Шанс испробовать? И нужно брать, пока дают?

Она коснулась пальцем его груди, обвела крест.

– Вам лучше знать, как работают ваши краны. Открывайте.

Не отрывая от него взгляда, завела руки за спину и расстегнула лифчик. Медленно сняла. Так же медленно избавилась от трусов. Вдохнула полной грудью. Дождалась, пока он тоже снимет всё, что на нём ещё оставалось, и сделала к нему шаг.

Сейчас посмотрим, что ты за зверь, профессор Саваж.

12. Внезапно завтрак

Саваж проснулся тёплым и светлым днём и понял, что ночью даже шторы не задёрнули, и теперь по постели медленно перемещается пятно солнечного света. Добралось до его подушки, разбудило. А можно ведь было и ещё поспать.

Прекрасная Марион спала рядом, одной рукой обхватив его поперёк груди, а вторую затолкав под подушку. Нос её сопел куда-то ему в шею, а голова лежала на его руке; рука затекла. Хотелось остороженько выбраться, размять руку и подтянуть штору – потому что солнечный луч вот-вот доползёт до маленького аккуратного сопящего носа и разбудит. Ну и другие соображения тоже, гм, с утра были.

Ему удалось выбраться из-под её руки, не разбудив, накрыть худые плечи мягким одеялом, на цыпочках подойти к окну и задёрнуть штору. Ещё хотелось погладить щёку, провести кончиком пальца по мочке уха, шее, ключице... это позже. Пока же – плотно закрыть дверь и перевести дух уже в ванной.

Что это вообще было вчера? С каких пор прелюдией к свиданию стал бой против нежити? Той самой заведомо агрессивной антропоморфной нежити старше пятисот лет? Чем он вообще думал, когда подначивал её, а она тоже хороша – взяла и согласилась.

Но что-то подсказывало Саважу – не то опыт, не то чутьё, – что не случись боя, не случилось бы и свидания.

Что это значит? Он сам по себе ей неинтересен?

Ладно, это сейчас неважно. Сейчас – дела.

Жан выбрался из-под душа, обмотался полотенцем и пошёл проверить, что у него в доме творится. Кусачка Маро дремал в своей комнате, он подскочил, захлопал глазами и забормотал, что указаний же не было, вот он и не делает ничего. Тут же указание и получил – взять сумку с их вчерашней одеждой и унести в соседний дом в магическую чистку, с ремаркой «сделать срочно». А потом сходить в «Мясное королевство» и договориться, чтобы принесли еды. Жан выдал денег на все эти расходы и подумал – было бы неплохо, чтобы и бюджетом на ведение дома тоже занимался кто-то ещё.

Кусачка отбыл с сумкой, а Жан пошёл на кухню. Ему захотелось небывалого – приготовить завтрак для Марион. Обычно он не предлагал своим гостям ничего подобного, и утром просто целовал на прощание и закрывал за ними дверь. А тут... наверное, она не откажется?

Сегодня никакой машины для арро, сварим руками на печке. Первую маленькую чашку он выпил в процессе взбивания омлета – это всякие прочие маги могут добавить толику силы в такое действие, и говорят, выходит неплохо, например, у воздушников. Если же он что-то такое добавит, то молоко скиснет, а яйца протухнут, и всё это – прямо у него на глазах. Ему же нужен совершенно обратный результат... поэтому руками, всё руками. И хорошо, что когда-то сообразил научиться.

Обычно он готовил что-то исключительно для себя, на один зуб, так сказать. Или на небольшую компанию близких друзей, и таковых сейчас в столице ни одного. А чтобы для дамы утром... сам себе удивлялся.

Дама проснулась, когда омлет с сыром уже доходил под крышкой. В его банном халате она совершенно утонула – из рукавов не торчали даже кончики пальцев, и этими руками в рукавах она обхватила себя, придерживая полы. Пояс у халата был, но вчера где-то потерялся. Ноги в его домашних туфлях забавно шлёпали по полу, потому что туфли спадали. Сверху торчала взъерошенная зеленоглазая голова.

– Доброе утро, – сказала дама. – Что происходит?

– Доброе утро, Марион, – он подошёл и поцеловал её. – Завтрак почти готов.

– Как мило, – она с видимым любопытством оглядывала его небольшую кухню.

Удивил, что ли?

– Умывайся и приходи. Жду только тебя.

Вроде утром они каким-то образом с её подачи стали на «ты»?

Она пошлёпала в ванную, но тут же вернулась.

– Скажи, куда делась вся моя одежда? – смотрит хмуро, испытующе.

– Ушла в магическую чистку, вернут ближе к вечеру. Как я вчера и обещал.

– Как ближе к вечеру? А в чём я домой пойду?

– Ты торопишься? – он снова подошёл и обнял. – Я подумал, что пока можно не торопиться. Или у тебя планы на сегодня?

– Я, конечно, обещала, что буду дома, в смысле – у родных, но... – подняла голову, смотрит испытующе.

– Не торопись, – тихо сказал он. – Пожалуйста.

Привлекают ли её его внимательные заинтересованные взгляды? Задевают ли, трогают ли? Смотрит, не отрываясь. Вздыхает.

– Хорошо, не буду.

– Я сейчас найду что-нибудь поудобнее, чем этот халат.

И пока она умывалась, он принёс из гардеробной сорочку, обычную белую сорочку, какую надевают под пиджак – наверное, рукава можно подвернуть, и будет не страшно?

Она справилась – подвернула рукава, застегнула все пуговицы. Получилось смело и даже элегантно. Почему дамы не носят платьев до середины бедра? Приличные дамы. А только лишь студентки и манекенщицы. Марион бы пошло – этакая миниатюрная статуэточка.

– Располагайся, – он кивнул ей на лавку.

Свободного места на кухне отчаянно недоставало, и возле небольшого стола удалось уместить только небольшую же лавку – на полтора человека, как высказался отец, увидев этот предмет мебели. Посмеялся ещё: ты, сказал, пока настолько не разъелся, чтобы занять её всю, а вдвоём уже неудобно. Жан тогда ответил, что это на одного и с размахом. А с размахом потому, что лавка была со спинкой и обита узорчатой тканью – и спинка, и сиденье.

– Вся эта красота в мою честь? – изумилась она.

– Да, но не только. Скорее... в нашу. Общую. Я попробую устроиться рядом, вдруг получится?

Он поставил на стол тарелки и вилки, разместил кофеварку, чашки и сахарницу со сливочником – потому что не знал, как она любит пить арро утром. И осторожно пристроился с краю той лавки.

И как так вышло, что она оказалась у него на коленях, а омлет они ели прямо из сковороды, не раскладывая по тарелкам? Матушку бы удар хватил, увидь она такое безобразие. А ему – отлично. И Марион вроде бы тоже довольна – улыбается, поглядывает на него из-под ресниц, хитро так поглядывает. Или не хитро, но... со значением, в общем.

А потом полотенце, которым он обернулся, развалилось и упало на пол. Сорочку же с неё можно было снять, даже почти что и не расстёгивая пуговицы. И он взялся, и потащил наверх, и дёрнул слегка, и въехал локтем в стену с размаха.

Смеясь, тряс ушибленной рукой, она гладила его пострадавший локоть, а он второй рукой придерживал её за спину и даже немного поглаживал пальцами бок. Она вздыхала – видимо, в том боку у неё чувствительное местечко.

– Нет, тесно, – сказал в конце концов Саваж. – Пошли обратно, там больше места.

Подхватил её – какая же она маленькая и лёгкая, ещё вчера заметил – и утащил обратно в спальню.

13. Ты и я, и ничего больше

Марион проснулась в роскошно разубранной спальне роскошного профессора некромантии. Похмыкала про себя – живая она, ещё какая живая. Показали сильного, красивого и доступного мужчину – сразу же и набросилась. Хотя, конечно, свидание, первой частью которого – бой с нежитью в некрополе, вышло очень недурственным. Всё в комплексе, без боя ничего другого и не случилось бы. Она была бы уверена, что он просто напыщенный дурак, и всё, а он, конечно же, вполне так бывает напыщенным дураком, но – не только им, как оказалось. И если бы не бой – то ей бы и в голову не пришло смотреть, а на что ещё тот Саваж годен. Но забавно, конечно, – зная его отца, Марион бы и не подумала никогда, что сын генерала – такой вот профессор-сибарит с хвостом. Впрочем, с боевой подготовкой против нежити у того сибарита всё в порядке. И в академическом сообществе он тоже вроде бы как у себя дома. Ну ладно, ладно, и в постели тоже огонь, даром что некромант. Хотя ей доводилось слышать, что некромантия в данном случае вовсе не приговор. Харизматичный любовник-некромант... гм. Ладно, нужно подниматься, одеваться, да пора бы и честь знать, как говорится.

Харизматичный любовник-некромант нашёлся на кухне и утверждал, что приготовил завтрак. Неожиданно, что. Он ещё и готовить умеет, оказывается. Вчера-то их ожидал парадно сервированный в небольшой и очень изящной гостиной поздний ужин – накрытый специальным силовым куполом и оттого даже не остывший. Мясо с разными соусами и вино – самое то, что нужно после боя, после совместного душа, после чего там ещё – после всего, что у них уже было, в общем. И сидели они, завернувшись в полотенца, в креслах друг напротив друга, и говорили необыкновенно официально – а в душе перед тем уже только что не облизали друг друга со всех сторон. Однако руки то и дело соприкасались, взгляды то и дело сталкивались над столом, а ноги – под столом. Голые, ясное дело, ноги, потому что на ней был надет его банный халат, а на нём и вовсе только полотенце. И завершилось тем, что он просто подхватил её на руки – легко! – и утащил в свою спальню. И там оказалось, что он не только мастер взаимодействия с телом, а ещё и сказать красивое в постели тоже мастер – редкое трепло, говоря иначе. Но ей понравилось. Огня-то у неё на двоих хватит, а вот болтать красиво не научилась, всегда обходилась без этих вычурных словес, а тут вышло, что и слова могут быть ничуть не слабее поцелуев и прикосновений. И даже хвост его дурацкий вблизи оказался изумительно красив – густой, блестящий, цвета светлого мёда, наверное, половина студенток за такой хвост душу продаст.

И оказавшись у него на коленях за крошечным столом на кухне, Марион понимала – да, торопиться не стоит, нужно повторять. Повторять, пока не свалилась никакая рутина, никакая повседневность, пока не догнали неприятности. Поэтому – чёрт с ней, с одеждой, пусть её приведут в порядок в магической чистке. Интересно, что подумают о таком странном наборе – пафосном смокинге с белой сорочкой и бабочкой, и полевой форме Легиона плюс комплект кружевного белья? Да что бы ни подумали, кого это волнует вообще. А волнует этот странный красавчик-некромант. Гроза привлекательных студенток, наверное.

Впрочем, сейчас эта гроза кого бы то ни было принадлежит ей и только ей. И нужно пользоваться...

– Эй, что ты делаешь?

По мнению Марион, открывать шторы и запускать в спальню солнечный свет было совершенно лишним. Потому что... не нужно её так пристально разглядывать! Нечего, и всё! Она хмуро глянула на Саважа и заползла под простыню.

– Любуюсь, – жёлтые глаза прямо искрились восхищением.

Совершенно, между прочим, искренним.

– На что там любоваться, скажи? На множество шрамов и торчащие рёбра?

Ну не могла она не спросить, не могла. Нет, не выпрашивала комплиментов. Ей просто нужно было знать. А скажет он правду или нет – она ж увидит.

– Ты ответишь, если я спрошу? – вдруг сощурился он.

Интересно, что такого он собрался спрашивать?

– Предположим, отвечу. Спрашивай.

– Откуда всё это? – и коснулся левого колена, как раз торчавшего из-под простыни наружу.

Левое колено переделывали дважды, первый вариант сустава не прижился. Это было ещё до Клодетт.

– Последствия одного задания.

– Что там с тобой делали, на том задании? – нахмурился он.

– На задании ничего. Это борьба с последствиями.

– И что там за последствия?

– С отложенным эффектом, – невесело усмехнулась Марион.

– Так. С отложенным эффектом, говоришь? – нахмурился он. – Это означает, что ты попала под то самое заклятье?

– Верно.

– И... постой, тот первый случай, о котором ты говорила, твой собственный? – он совершенно бесцеремонно стащил с неё простыню и оглядел.

– Ну, – уже бить, что ли?

Что это он вообще?

– Ох, Марион, – она и понять ещё ничего не успела, а он уже сгрёб её в охапку и усадил на колени.

Обхватил её всю и уткнулся носом в макушку.

– Что такое? – дёрнулась было она, но протест подавили в зародыше.

– Прости бестолковца, вот что. Я бы и не подумал, что ты говоришь о личном опыте. И просто о том, что ты всё это пережила. Тебя вылечили до конца?

– Я надеюсь, что да. А если не о личном, то что, можно разносить по кочкам? – отстранилась, взглянула сурово.

– Я понял, в чём дело. Я тебе подскажу потом, как всё это точнее описать, чтобы ни у кого не возникло сомнений. Понимаешь, из твоих слов я понял, что ты столкнулась с кем-то из наших вчерашних ночных друзей, и приписала последствия их нападения тому самому отложенному эффекту.

– Ничего подобного, – дёрнула она плечом.

– Не расскажешь?

Вот ведь паршивец, ещё и гладит её то по плечам, то по боку, то меж лопаток. И целует в... разные места.

– Это случилось... на заброшенном полигоне. В начале века там экспериментировали с разными сочетаниями убивающих заклятий, артефактов и отравляющих веществ – для общей дезориентации мага, надо полагать.

– Во время великой войны?

– Точно. И там завелась команда простецов, пытавшаяся добраться до оставшегося барахла и применить его в своих целях. Нам нужно было зачистить полигон и деактивировать всё, что можно. И грамотно уничтожить то, что нельзя. И вот там стояла защита. Один человек погиб на месте, я шла следующей и уничтожила ту штуку, остальные не пострадали. А меня... в конце концов вылечили.

То есть она очень на это надеется, что вылечили.

– Жаль, что я не знал этого сразу, – он снова просто обнял. – Но ты жива и здорова, и это невероятное чудо господне.

– Это квалифицированный целитель.

– Видимо, проводник высшей воли, – не сдавался он. – Порекомендуешь? Я бы показал такому целителю отца.

– Думаешь, твоего отца нужно кому-то показывать? Как по мне, он великолепен сам по себе в любом агрегатном состоянии, – фыркнула Марион.

Генерала Саважа она весьма уважала.

– Ты ж, наверное, видела, как он ходит?

– Как может, – если у тебя нет куска стопы, ты будешь ходить именно что как сможешь. – Но порекомендовать ему Клодетт могу.

– Вот и славно. И что, ты думаешь вернуться на службу или заниматься наукой?

– Я думаю обо всём. Диссертация готова наполовину, осенью мне обещали группу студентов на практику. А возвращение на службу зависит от итогового вердикта врачей.

– Это же замечательно.

– Почему? – глянула она на него.

– Будем часто видеться, – он улыбался совершенно без какой-либо задней мысли. – Марион, если ты сомневалась в себе, так не сомневайся больше. Ты права, ты взялась за такую тему, в которой никто не разберётся лучше тебя, а если кто-то ещё попробует что-то тебе сказать – шли ко мне, я поговорю. И про моменты описания поговорим ещё обязательно. Но, может быть, не сейчас?

– А что сейчас? – глянула она из-под ресниц.

– А сейчас ты и я, и ничего больше.

Ах ты ж, ты и я, значит, и ничего больше. Хорошо, сам напросился.

Марион решительно взялась за цепь на его шее.

– Я правильно догадалась о значении этого предмета?

У некромантов всё не как у людей – и сила-то их ни с чьей больше не стыкуется, и вообще слабо поддаётся контролю, поэтому они с момента пробуждения этой самой силы носят амулеты. Чтобы люди рядом от страха в обморок не падали. Но Марион доводилось слышать болтовню о том, что некромант без амулета в любви совсем не то, что с амулетом. И что это, гм, блюдо подходит весьма не всем, но если вдруг почему-то подходит, то не сравнишь ни с чем. Рассказывала коллега, так и сказала: не сравнивать, там был-то всего-навсего один юношеский случайный случай, а помнится до сих пор, хоть уже и четверть века прошло.

И раз уж Марион выдали свыше некроманта – кто она будет, если не попробует?

Его ладонь мгновенно легла поверх её пальцев.

– Ты уверена? Если тебя недавно вылечили от тяжёлой болезни, это может быть опасно.

– Я не боюсь опасностей. Но никогда не пробовала, зато слышала, что некромант без амулета – это что-то любопытное. Вдруг у меня единственный шанс узнать? Сам понимаешь, некроманты редки.

Он на мгновение нахмурился, а потом улыбнулся.

– Хорошо, звёздочка моя Марион. Но если вдруг что-то пойдёт не так – ты сама наденешь его обратно, договорились? – с развёрнутой ладони изящно слетело серебристое щупальце и дотронулось до её щеки.

Мягко, осторожно и немного щекотно.

– Договорились, – кивнула она и сняла с него крест, ещё и из волос не сразу выпутала.

Сила плеснулась наружу мгновенно – почти как ночью, когда стояли спиной к спине. Только сейчас она выглядела не убивающей наповал, а... скорее наоборот. Щупальца, бывшие мертвенно-серыми, будто поглощавшими свет и цвет, сейчас задорно серебрились в лучах солнца.

И Марион улыбнулась харизматичному некроманту и потянулась в этот невероятный серебристый клубок, нити из которого дотягивались везде, особенно там, где не хватало рук.

Кажется, где-то снаружи существовала какая-то жизнь, кто-то приходил и уходил, но им было хорошо вместе – просто вместе и просто хорошо. Может быть, она уже подходила к смертельной черте так близко, что ей не страшно? Потому что страшно не было, было вдохновляюще.

Спасибо тебе, красавчик-некромант. Могла бы и не узнать никогда... а вон оно как, оказывается.

14. Инсайдерская информация

Саваж проснулся от непонятного звука. Звук вторгся в сон и не исчезал, и его никак нельзя было идентифицировать. Пришлось открыть глаза и прислушаться.

И тут же забыть про все звуки мира! Потому что у него на груди спала Марион, и оба они были окружены плотным коконом его силы – не вдруг проломишь, и звук тоже не вдруг проникнет. Когда этот факт дошёл до Саважа, он осторожно втянул в себя всё, что навывпускал наружу, огляделся, нашёл свой амулет возле подушки, надел, и только потом прислушался ещё раз.

В дверь поскреблись – осторожно и деликатно. Интересно, сколько времени?

Часы лежали на тумбочке и сообщили, что сейчас половина десятого. Чёрт, он же обещал быть в парламентской комиссии в десять двадцать! И между прочим, по вопросу Кусачки, ему самому до парламента было, как до Другого Света.

– Скорпион, а Скорпион... – донеслось от двери.

Ну да, Кусачка, он самый. Саваж вздохнул и попытался осторожно переложить Марион на подушку – пусть спит. Не вышло.

– М-м-м? – спросила она, просыпаясь.

– Угу, – ответил он столь же вразумительно. – Мне пора вставать, звёздочка моя Марион.

– А сколько времени? – она мгновенно стряхнула остатки сна и села на постели.

– Девять тридцать, – сообщил он.

– Что-о-о? Мне тоже пора, – она подскочила с кровати, как ошпаренная, подхватила валявшийся на полу махровый халат и ускакала в ванную, пока он соображал, что вообще происходит.

Что поделать, он с утра тугодум.

И ещё хорошо бы Кусачка догадался убраться с её дороги.

Что ж, догадался. Когда Саваж выбрался из спальни, никакого Кусачки на пороге и близко не было, его пришлось найти.

– Что случилось?

– Ну как, ты же говорил, что с утра пойдёшь к кому-то там что-то выяснять, – сказал тот.

– Так и пойду, – согласился Саваж. – Свари арро, что ли. Быстро.

– Быстро не умею, – начал было канючить Кусачка, но направленный взгляд тотчас послал его по адресу в сторону кухни.

Тем временем из ванной показалась Марион – совершенно одетая и до отвращения бодрая.

– Спасибо, – просто сказала она и добавила: – Увидимся.

Мгновенно зашнуровала свои ботинки, подхватила рюкзак... и была такова. Чёрт побери, он даже не поцеловал её на прощание! Ну как так-то?

Саваж бы так и стоял столбом ещё долго, но из кухни появился Кусачка.

– Скажи, это правда была Безжалостная Блуа? Или мне примерещилось?

– Что? Безжалостная? – не понял Саваж. – Почему?

– Ну, или Бескомпромиссная. Потому что. Не влезай, убьёт.

– Вы служили вместе?

– Ну да, немного. Потом я ушёл в отставку, она осталась. Но говорили, ей крепко прилетело, едва не отдала богу душу. Правда, спасла десятерых только там, и ещё сколько-то – в других местах. Ещё она всегда следила, чтобы новеньких не гнобили, тех, кто ещё мало умеет, и если видела что-то подобное – тут же так прикладывала, что возражений не оставалось. И она хренова перфекционистка – если где что неправильно, не слезет, пока не станет правильно.

Ну там – положение рук во время атаки, чистая форма, ещё хрен знает что. И если есть живой враг – то он от неё не уйдёт.

– Ты пока ничего плохого о ней не сказал, – покачал головой Саваж. – И что? Что у вас с ней?

– Ничего, – покачал головой Кусачка. – И ни у кого здравомыслящего ничего с ней не было.

– Это ты, что ли, здравомыслящий? – фыркнул Саваж, даже смешно стало. – Она будет преподавать у боевиков с сентября.

– Ну, самое место, – проворчал Кусачка. – Арро-то ещё надо?

– Уже только мне. И то после душа, – пробормотал Саваж и пошёл в этот самый душ.

А под душем подумал, что всегда хотел именно этого – чтобы дама утром мгновенно собралась и ещё раньше него исчезла. Не ждала, что её накормят завтраком или вызовут ей такси, или, хуже того, что он сам отвезёт её, куда ей там надо.

Только вот... почему-то сегодня система дала сбой, и сбывшееся не порадовало. Марион хотелось задержать, напоить арро, да хотя бы просто поцеловать на прощание, ещё раз ощутить ладонью стриженный затылок, обхватить маленькую фигурку...

А вместо этого придётся одеваться и отправляться, потому что обещал, и потому что своих не бросают. И думать весь день о том, что мог бы хотя бы спросить – когда там она снова придет, вдруг раньше сентября? Думать, прячась за маской равнодушия ко всем земным делам, пока ему рассказывали о тех, кто был ему нужен. Думать до тех пор, пока не услышал от сослуживца, который сейчас работал на одну из парламентских фракций:

– А ещё готовится законопроект об ограничении некромантов в правах. Но я тебе этого не говорил.

– Постой, – Саваж словно проснулся наконец. – Как об ограничении в правах?

– Вот так. Его собираются представить через месяц, сейчас что-то там дорабатывают. Подбирают доказательную базу.

– А с какого перепугу?

– Идеологи говорят просто о том, что некромантам нечего давать волю, и приводят какие-то факты о том, что якобы когда-то какой-то некромант в чём-то ущемил какого-то простеца, а внуки того простеца сейчас ищут справедливости.

– Что-то долго они собирались искать ту справедливость, – покачал головой Саваж.

– Ну тут уж как вышло, сам понимаешь. Люди – они такие, думают что хотят, и никто им не запретит.

Саважу было отчаянно жаль, что того пострадавшего простеца не убили на месте и не прикопали нигде потихоньку, потому что его безмозглые потомки вылезли откуда-то и принялись творить чушь. Или даже не потомки, а просто воспользовались. Или вовсе придумали, а на деле и не было ничего такого.

Вообще, во Франкии в последние годы много твердили о толерантности, о терпимости ко всем, о равных правах и о чём там ещё. Правда, то и дело журналисты вытаскивали на свет божий какие-то неприглядные истории о том, что человека ущемляли то по цвету кожи, то по вероисповеданию, то по наличию или отсутствию магических способностей. Поэтому в постановке вопроса для Саважа ничего нового не было, неприятно то, что в этот раз под удар попадают некроманты.

Что ж, поищем союзников. Это такая битва, которую никак не выиграешь в одиночку, и тут дело не в Кусачке как таковом – он для кого-то просто оказался примером. Нужно выяснить, откуда ветер дует и как этот ветер поприжать, чтоб не дул.

Саваж всё это ой как не любил, но нельзя сказать, что совсем не умел. Правда, и профи себя тоже не чувствовал, и очень не хотел делать неправильных шагов – или же таких, которые приведут к нежелательным ему результатам. Но ему было у кого спросить совета.

Поэтому следующим своим шагом он перенёсся тенью на улицу Сент-Антуан, в холл огромного старинного дома, который недолюбливал как жильё, но уважал как старого противника. И попросил прислугу сообщить генералу Саважу, что он сейчас поднимется в его кабинет.

15. Маме нужна помощь

– Марион, мне нужна твоя помощь, – сказала мама.

Сказала, как всегда, безапелляционно, отказов не предполагалось. Марион мысленно пожала плечами и отозвалась:

– Это срочно?

Марион рассчитывала за месяц дописать черновик диссертации и даже уже запасла продуктов в свою квартиру в Массилии, чтобы поменьше отрываться от работы. Но позвонила мама и очень попросила приехать – её дом располагался за городом. Марион взяла текст с собой и понадеялась, что получится что-нибудь с ним сделать. Сейчас она вычитывала имеющуюся главу диссертации и хотела завершить процесс. Не удалось.

– Да, Марион, это срочно. Будь добра повернуться и выслушать меня.

Выслушать можно.

– Рассказывай, – Марион отложила листы бумаги и ручку и повернулась к сидящей за спиной на диване маме.

– Я отправляюсь на лечение в четверг, – весело сказала мама.

– Куда и по какому поводу?

Конечно, в шестьдесят лет у человека могут быть неполадки в организме, но в целом мама чувствовала себя хорошо. Вела здоровый образ жизни, занималась спортом с компанией приятельниц, летом каждый день купалась в море, зимой ездила в горы кататься на лыжах. И даже в поездках ни на секунду не выпускала из рук бразды правления своей гостиничной империей.

– Мне нужно обследоваться, – будто это что-то объясняло!

– Мама, где ты собираешься это делать?

– В санатории «Морской ветер» на побережье. Там здоровый воздух, отличное питание и комфортные условия проживания.

– Так, стоп. А при чём тут обследования? Если что-то нужно, я могу договориться в столичном госпитале, тебя возьмут хоть завтра и откроют портал, не придётся никуда ехать.

– Я уже договорилась обо всём, – мама наклонила голову и смотрела пристально, что означало: «Не твоего ума дело».

– Так, хорошо, а я в таком случае при чём, если ты уже всё для себя решила?

– При том, что кому-то нужно будет взять на себя мою работу, – выдала мама.

Вот ещё новости!

– Мама, ты удивишься, но я в твоей работе не понимаю ровным счётом ничего, – покачала головой Марион. – Тебе будет проще оставить дело на кого-нибудь из заместителей – есть же у тебя толковые заместители?

– Конечно, есть, но я не собираюсь давать этим людям ложные надежды, что они когда-нибудь могут возглавить дело. Это предприятие нашей семьи, и иначе не будет. Поэтому я собираюсь оставить на три недели вместо себя свою дочь, то есть – тебя.

Глупости какие!

– И как ты это себе представляешь? Я ничего не знаю о гостиничном бизнесе.

– Тебя введут в курс дела. Ты у нас вроде бы умеешь командовать людьми, вот и займись.

– Мама, ты не подумала о том, что таким образом подрываешь свою репутацию? Умный командир не поставит на своё место некомпетентного родственника. Умный владелец бизнеса, полагаю, тоже так не поступит. В конце концов, у тебя ещё есть Люсиль, и она-то как раз знает, что нужно делать!

– Люсиль едет с девочками на море, у них уже всё оплачено – и перелёт, и отель, и что-то из экскурсионной программы. Она не может отменить поездку. А ты всё равно сидишь и ничем серьёзным не занимаешься.

– Мама, ты зря так говоришь. И если ты думаешь, что после твоих слов я буду тебя слушать – ты заблуждаешься. Почему ты считаешь, что твои дела должны быть важнее моих?

Марион поднялась со стула и собрала листы в папку, а папку положила в рюкзак. Кажется, разговор окончен.

– Марион, погоди. Кажется, я неудачно выразилась. Я приношу тебе свои извинения, – мама даже встала с дивана.

О нет, ей не дать её шестьдесят лет, она бодр и активна. На тех, кто болен, Марион посмотрелась в госпитале – мама выглядит разве что усталой. Ну что ж, отдыхать нужно всем, даже владельцам бизнеса.

– В таком случае ты сейчас садишься обратно и говоришь всё как есть, хорошо? – Марион глянула на маму, как на проштрафившегося рядового.

Не помогло – мама тоже тот ещё командир. И недурной менталист, к слову сказать. Но, похоже, ей и впрямь нужно что-то от Марион.

Вообще, вопрос о приобщении младшей дочери к семейному бизнесу проходили неоднократно и закрывали – неоднократно же. Мама упряма, Марион тоже. За время лечения мама не раз пыталась заводить разговор, что Марион следует проявлять больше интереса к этим чёртовым отелям, но Марион не сдавалась. Ну куда ей эти отели? Люсиль же всё это хорошо знает и, кажется, даже любит свою работу.

– Может быть, я поеду с девочками, а Люсиль останется вместо тебя, если уж никак нельзя переиграть?

– Люсиль тоже нуждается в отдыхе. И мне кажется, у неё есть договорённость с каким-то мужчиной о том, чтобы провести отпуск вместе.

О как, оказывается.

– А мужчина знает о детях? – вообще, девочки у Люсиль отличные, не капризные, с ними всегда можно договориться, но ведь не всякий мужчина придёт в восторг просто от самого факта наличия детей!

– Знает, – кивнула мама. – И я считаю, что нужно дать им шанс. В конце концов, ты можешь взять свою диссертацию с собой. И мы можем начать с одного отеля на побережье, ты поедешь туда и присмотришь за всем. Остальные я смогу оставить на кого-то ещё, или же связываться с управляющими по телефону.

– И что ты хочешь, чтобы я делала? – хмуро спросила Марион, понимая, что фактически уже согласилась.

– Вот, это уже совсем другой разговор, – воодушевилась мама. – Отель «Изумруд». Одиннадцать этажей благополучия. Там никогда ничего не происходит, тебе не будет сложно понять, что от тебя требуется. Управляющий – господин Тондю, ты должна его помнить. Его заместитель – разумный молодой человек твоих лет, менталист. Я сейчас же предупрежу, и завтра с утра мы с тобой поедем знакомиться. Там и увидишь, что у нас есть и что с этим нужно делать.

Пять маминих отелей назывались – «Бриллиант», «Сапфир», «Рубин», «Изумруд» и «Янтарь», а все вместе – «Тиара». Это придумал ещё прадедушка, когда создавал гостиничную империю и скупал эти самые отели. Сейчас каждый из них имел свой цвет и специфику в соответствии с названием. Марион достался зелёный – наверное, это не так уж и плохо?

А мама продолжала говорить.

– Там у тебя будет возможность каждый день гулять по берегу и дышать морским воздухом, тебе пойдёт на пользу. Я распорядюсь, чтобы в любой момент тебе подавали арро или обед, питаться тоже нужно. Я надеюсь, ты не будешь сидеть со своей диссертацией ночами, это вредно. Выделишь себе время в течение дня и всё успеешь.

Ладно, разберёмся. Приедем, посмотрим, оценим обстановку. Может быть, всё это не так страшно – раз, и это ж не навсегда, а только на три недели – два?

16. Поиск союзников

Жан бросил на себя последний взгляд в зеркало, поправил бабочку и цепочку от часов. Пора. Не хочется, но надо.

Следующим шагом он оказался в холле родительского дома, где сегодня принимали гостей. В том числе тех, с кем можно было обсудить вражеские планы по захвату мира, то есть, простите, по посярмлению и унижению некромантов, больших и малых.

Отец тогда, неделю назад, выслушал Жана внимательно и задал миллион уточняющих вопросов – правильно, планируя операцию, нужно быть хорошо осведомлённым. Сказал: молодец, что пришёл и сказал, будем спасать сержанта Маро и всех прочих тоже будем спасать. А если кто зарвётся – ну, некроманты они ж не просто так в мире, они для решения вполне конкретных вопросов. И если эти вопросы будет некому решать, то... в общем, разберёмся. И союзников поищем.

Жан сам умел искать союзников. За прошедшие дни он переговорил с десятком знакомцев и сослуживцев, с кем вообще можно о таких делах говорить, а под занавес – с собственным деканом Гийомом де Ла Валеттом. Тому было уже за восемьдесят, но он не утратил исследовательский пыл. И сейчас пребывал где-то за Полярным кругом, кого-то там ловил, какую-то местную уникальную нежить, но сказал:

– Жан, я поддержу тебя, в чём скажешь, но будь добр, дай мне завершить хорошее дело! Дней через пять я вернусь в столицу, там и поговорим.

Этим пришлось удовольствоваться, но знакомцы были ещё и у отца.

Отец умел обнадёжить, правда, он тут же добавил, что готов пригласить нужных людей посоветоваться, но – изволь, дорогой сын, прийти и сам всё им рассказать. Что тут скажешь – нужно, значит, будет сделано.

И вот день настал, Жан пришёл, и, конечно же, первым делом его встретила драгоценная матушка. Интересно, уже хоть кто-то на месте, или же нет, и она сейчас заведёт свою обычную песню?

– Я очень рада тебя видеть, – Коринна де Саваж улыбнулась царственно и протянула руку для поцелуя.

– Я тоже, матушка, – тут можно не улыбаться, всё равно не сработает.

– Какое чудо привело тебя домой, скажи на милость?

– Не чудо, всего лишь необходимость встречи с нужными людьми.

– А ты думаешь, дом человеку для чего? И для этого в том числе. Сейчас мы с отцом поддерживаем репутацию нашего рода, а что будет, когда нас не станет?

О да, любимая баллада, пятый примерно куплет. Когда нас не станет. Матушка, дорогая, да ты всех переживёшь, честное слово. Тебя там не возьмут, там таких – и без тебя пруд пруди. А то ещё и нежитью какой вернёшься.

– Матушка, когда некромант говорит тебе, что не следует так говорить, потому что ни к чему хорошему это не приведёт – ты почему не слушаешь?

– Потому что считаю нужным тебе всё это сказать, – поджала губы матушка.

Точно так же поджимала губы Марион Блуа. Так, это запретная тема, о ней сейчас не будем.

– Спасибо, я ещё не успел позабыть, – легко кивнул Жан. – Отец у себя?

– У себя, – сухо кивнула она.

И это ещё она не видела, что он пришёл теньями, это всегда раздражало её невероятно. Как и все другие проявления его некромантской природы. Кажется, она уже после свадьбы с отцом узнала о возможности родить ребёнка-некроманта, и эта информация её не порадовала тогда, не радовала и до сих пор. Но тут уж как есть.

Отец нашёлся в кабинете, у него сидел маркиз де Риньи – с некоторых пор генерал и командующий Легионом. В рюмках было разлито что-то очевидно крепкое.

– Жан пришёл, вот он тебе сейчас всё и расскажет, – отец просто рад его видеть, без всякого там.

– Вот и отлично, – кивнул де Риньи. – Не люблю, когда притесняют некромантов. И готов объяснить тем недоумкам, которые так поступают, всю их возможную неправоту. Будь добр, изложи кратенько, пока мы ждём от госпожи герцогини приглашения к столу.

Жан изложил – без красивостей и деталей, только главное. О том, как к нему пришёл Кусачка и как он после Кусачкиного рассказа предпринял собственное исследование вопроса... и узнал даже больше, чем бы ему хотелось.

– Кто там у нас хочет внести этот изумительный законопроект в парламент? – де Риньи взял рюмку с коньяком, понюхал. – Скажите, господин генерал, к кому подольститься, чтобы добыть для личного пользования этот божественный напиток?

– Места знать надо, – проворчал отец, – и людей. Но если хочешь – я тебя порекомендую.

Отец заполнял свой винный погреб главным образом благодаря личным связям – напрямую с производителями или с теми, на чьих землях располагалось производство. Скажем, некий запас белого лимейского вина, которое издавна производилось только на землях бывших королей Роганов, обычно прибывал в виде рождественского подарка или знака внимания на какую-нибудь памятную дату. В память о давних связях между семьями. Кстати, а что подумает о насущной проблеме его высочество Шарль де Роган? Отец – один из тех немногих людей, кто может обратиться к нему запросто и попросить о содействии. А Шарль де Роган – это магическая промышленность, это вам не лекции в Академии читать.

– Есть такой депутат Фредерик Бурже, он избирался от либеральной партии и входит как раз в парламентскую фракцию либералов, – начал Жан. – Простец из простецов, и в родне магов не обнаружено. Проявляет подозрительный интерес к некромантам – с одной стороны, не гнушается пользоваться их услугами, нелегальными, прошу заметить, а с другой – собирается выступить врагом всех некромантов государства.

– Отчего же он такой смелый? – спросил де Риньи. – Бессмертный, что ли?

– Вряд ли, – ухмыльнулся Жан. – Думаю, вполне смертный, и тельце у него мягкое.

– И куда ж тогда лезет? – раздумчиво произнёс генерал-некромант.

– Возможно, мы чего-то о нём не знаем, – охладил их веселье отец. – Обычно люди ввязываются во что-то такое, имея или мощную поддержку, или что-то за душой.

– Вытрясти душу и посмотреть, есть ли за ней что-то? – так же раздумчиво спросил де Риньи. – Я наведу справки об этом депутате. Откуда он взялся, не знаешь?

– Он родом откуда-то из Нерля, с восточной границы.

– Значит, там и поищем.

Кажется, он хотел ещё что-то сказать, но в дверь вежливо постучали, и отцовский камердинер господин Жиро сказал:

– Госпожа герцогиня просит к столу.

– Раз просит – пойдём, – согласился отец.

Поднялся, опираясь на стол, подхватил трость, открыл портал и пригласил их с де Риньи следовать за ним.

После того как отец утратил часть правой стопы, он предпочитал везде, где можно, перемещаться порталом, благо с незапамятных времён в семье был артефакт. Жан и генерал последовали за ним и вышли перед входом в столовую. У дверей стояла матушка, а возле неё – юная особа. Хорошо, не вполне юная, лет так тридцати. В отличной сохранности.

– Кирстен, познакомьтесь – мой супруг, герцог Саваж, наш сын, граф Саваж, маркиз де Риньи, командующий Магическим Легионом. А это Кирстен Берг, дочь профессора Берга из Академии Севера, она прибыла к нам на стажировку.

Жан склонился к руке белокурой Кирстен и затрепетал – дева была некромантом.

17. Зелёный отель

Отель «Изумруд», одиннадцатизэтажное здание насыщенного зелёного цвета, встретил Марион подстриженными газонами, цветущими розами, бассейном с рыбками в большом холле у входа и идеально вышколенными сотрудниками. Балконы номеров выходили на море, у отеля был свой пляж. Интересно, почему Люсиль не поехала отдыхать в один из семейных отелей? Не хочет, чтобы мама знала больше о её увлечении или что там у неё?

У мамы был её личный номер на восьмом этаже, состоявший из трёх комнат, и его окна тоже выходили на море. С другой стороны здания в окна показывали невысокую гору, вокруг которой змеилась автодорога из Массилии. Клиенты отеля приезжали на машинах по дороге или на яхтах по морю, или же гостей встречали в аэропорту Массилии и доставляли на место на катере отеля либо в автобусе. Марион с мамой привёз мамин водитель, и он же должен был отвезти маму дальше, куда она там собиралась – кстати, понять бы, в чём настоящая причина её отъезда.

Если у мамы случались какие-то неполадки со здоровьем, то она ставила на дыбы всех вокруг. И уж точно не отказалась бы от предложенной консультации в столичном госпитале. В Массилии тоже был госпиталь, где принимали не врачи-простецы, а маги-целители, он был, конечно же, невелик, меньше городской больницы, но там тоже работали опытные и квалифицированные специалисты. Мама не пренебрегала регулярными обследованиями, и в обычной ситуации не отмахнулась бы от предложения Марион. В чём дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.